

IV. Періодъ партійной политики.

Если двухлѣтье съ 1899 и по 1901 годъ, какъ мы уже видѣли, расщепивъ идейный комплексъ марксизма 90-хъ годовъ на его составляющіе элементы, продвинуло часть демократіи къ либерализму, консолидировало революціонно-марксистское ученіе и возродило революціонное народничество, то, начиная приблизительно съ 1901 года, эти идейныя теченія закрѣпляютъ свою связь съ партійно-политической дѣятельностью, по мѣрѣ того, какъ одна партійная группировка вслѣдъ за другою выступаетъ на сцену политической жизни: вначалѣ только революціонно-марксистское теченіе имѣетъ свою базу въ организуемомъ движеніи социаль-демократіи, затѣмъ—революціонное народничество находитъ опору въ слагающихся въ партію къ концу 1901 года организаціяхъ социалистовъ-революціонеровъ, и, наконецъ, послѣднимъ либерализмъ демократіи пытается связаться съ организаціями земцевъ и создаетъ организацію ad hoc—Союзъ Освобожденія. Соответственно же этому процессу сближенія идейныхъ теченій съ общественно-политической дѣятельностью партій, какъ и съ быстро идущимъ впередъ оживленіемъ жизни, въ идеологіяхъ на первое мѣсто выдвигаются вопросы, такъ или иначе непосредственно связанные съ этой политической практикой. Подцензурная печать все болѣе сходитъ на нѣтъ и—вплоть до второй половины 1904 г.—положеніе центровъ идейнаго движенія сохраняютъ за собою нелегальные органы, какъ выразители стоящихъ за ними опредѣленныхъ общественныхъ силъ.

Такъ, основное теченіе марксизма идетъ по фарватеру «Искры»—«Зари» между тѣмъ какъ въ литературѣ «легальной» остается либо неимѣющая политическаго значенія струйка, въ видѣ марксистской примѣси къ неопредѣленно-демократическому содержанію «Міра Божьяго» или позже «Образованія», либо одиноко стоящія работы отдѣльныхъ писателей, какъ напр., вышедшій въ 1903 г. «Аграрный вопросъ» П. Маслова. И едва ли не въ качествѣ единственной легально-марксистской формации этого періода выступаетъ та группа писателей, которая сосредоточиваетъ свои силы на вопросахъ философіи и эстетики и въ борьбѣ съ нахлынувшимъ тогда на русскую общественную мысль идеализмомъ пытается произвести сочетаніе марксизма съ философскими взглядами Авенариуса и Маха. Плодомъ по преимуществу усилій этой группы (Богдановъ, Луначарскій, Базаровъ) является сборникъ «Очерки реалистическаго міровоззрѣнія», а затѣмъ отчасти и журналъ «Правда», начавшій выходить уже къ самому концу этого періода «кануна революціи».

Такъ, «Русское Богатство», успѣвшее заложить основаніе для нѣкоторыхъ взглядовъ революц. народничества (спеціально по аграрному вопросу), становится, несмотря на присутствіе Михайловскаго, все болѣе блѣднымъ, по мѣрѣ того какъ на очередь выступаютъ тѣ задачи, которыя—по своему актуально-политическому характеру—могли быть дебатированы лишь на столбцахъ—«Революціонной Россіи» или «Вѣстника русск. революціи».

Такъ, даже описанное нами движеніе демократіи «отъ марксизма къ идеализму»—не говоря уже о либеральномъ движеніи въ его цѣломъ—находило свое

завершение не столько въ «Проблемахъ идеализма», а тѣмъ менѣе въ такихъ, не имѣвшихъ никакого политическаго значенія, журналахъ, какъ «Вопросы Жизни» (и отчасти «Новый Путь»), а въ организаци свободной трибуны для либерализма въ штуттгартскомъ органѣ Струве—«Освобожденіе». Ни «Вѣстникъ Европы», ни «Русск. Вѣдомости», ни «Русская Мысль» за это время не играютъ какой роли, и одно только «Право» привлекаетъ къ себѣ время отъ времени вниманіе статьями Набокова, кн. С и Е. Трубецкихъ, Петрункевича и нѣкоторыхъ другихъ писателей.

Революціонный марксизмъ былъ первымъ, вошедшимъ въ эту полосу партійной политики; вошедшимъ въ то время еще, когда революціонное народничество переживало эмбриональную стадію своего партійнаго развитія, а либерализмъ еще не успѣлъ обрѣсти той новой своей формы, которая дана была взаимодействіемъ эволюціонировавшей отъ марксизма къ идеализму демократіи и земской культурно-либеральной среды. Мы увидимъ въ дальнѣйшемъ, какъ этотъ приоритетъ социаль-демократическаго выступленія и одновременно организованности, отразился на нѣкоторыхъ чертахъ революціонно-марксистской идеологіи. Сейчасъ мы переходимъ къ опредѣленію той работы, которую пришлось произвести революціонному марксизму на первыхъ же порахъ своего консолидированнаго выступленія. Это была, прежде всего, реализація тѣхъ обязательствъ, которыя были приняты имъ на себя еще въ предъидущее двухлѣтье, но по которымъ уплатить въ полной мѣрѣ ему удалось только теперь: отвѣтъ бернштейнству и ликвидація экономизма.

Только теперь, въ 1901—1902 г.г., въ 3 книжкахъ «Зари» русская «критика марксизма» услышала свою антикритику изъ устъ «ортодоксіи», она получила тотъ отвѣтъ, который ей успѣлъ еще дать революціонный марксизмъ до тѣхъ поръ, пока волна растущаго освободительнаго движенія не захлестнула его своими текущими политическими интересами, и пока, съ другой стороны, русское бернштейнство еще не растворилось безъ остатка въ новообразовавшемся либерализмѣ.

Въ серіи статей, подъ общимъ названіемъ «Критика нашихъ критиковъ», Плехановъ сводилъ счеты съ попытками критиковъ Маркса перекроить и перетолковать на свой ладъ Марксову теорію общественнаго развитія. Сводя же эти счеты, ему приходилось концентрировать свое вниманіе на Струве, ибо въ то время Струве, которому и мы должны были удѣлить такъ много вниманія и мѣста—представлялъ изъ себя центральную фигуру въ идейномъ развитіи буржуазной демократіи. Потому-то такое значеніе и приобрѣтало доказательство несостоятельности его аргументаціи и такъ важно было вскрыть общественное содержаніе его «критики».

Съ данными новѣйшей статистики въ рукахъ, Плехановъ показалъ несостоятельность того представленія ревизионизма объ относительномъ улучшеніи въ положеніи рабочаго класса, которое легло въ основаніе всѣхъ выводовъ о развитіи современнаго общества путемъ «притупленія противорѣчій». Но мало того: и въ болѣе общей формѣ Плехановъ показалъ, какъ историческую несостоятельность той «формулы развитія», которая дана была Струве, такъ и логическую несостоятельность тѣхъ доводовъ, которыми Струве пытался «гносеологически»

мотивировать свое неприятие въ исторіи «скачковъ», и, стало быть,—свое отрицаніе социальной революціи.

«Если понятіе—общественный переворотъ—несостоятельно потому, что природа скачковъ не дѣлаетъ, а интеллектъ ихъ не терпитъ—замѣчалъ Плехановъ—то, очевидно, что эти рѣшительные доводы должны въ одинаковой мѣрѣ относиться ко всѣмъ переворотамъ. А если революція буржуазіи давно уже совершилась, несмотря на то, что скачки «невозможны», а измѣненія «непрерывны», то у насъ есть всѣ основанія думать, что въ свое время совершатся и другіе перевороты, если только, разумѣется, они не встрѣтятъ на своемъ пути другихъ препятствій, болѣе серьезныхъ, чѣмъ тѣ, на которыя указываетъ намъ г. П. Струве въ своихъ «гносеологическихъ разсужденіяхъ»¹⁾.

Социальная революція не исключаетъ социальной реформы и «формула» историческаго развитія, если ужъ таковая непременно нужна, должна охватить и революцію, и реформы, какъ различные моменты одного историческаго процесса. Струве считаетъ неотразимымъ аргументъ, гласящій, что «выродившійся рабочий классъ» не «способенъ совершить величайшій изъ всѣхъ переворотовъ, какіе только знала исторія». Но, вѣдь, Марксъ и Энгельсъ «никогда» и «не рассчитывали на выродившіеся элементы пролетаріата, какъ на общественную силу». И тогда какъ Струве полагаетъ, что «ухудшеніе общественнаго положенія пролетаріата... равносильно созданію условій, затрудняющихъ развитіе его классоваго самосознанія», Марксъ и Энгельсъ говорили о томъ, что развитіе капитализма «создаетъ не одни только «пассивные продукты общественнаго разложенія», оно, кромѣ того, будитъ мысль... пролетаріевъ... и образуетъ изъ нихъ все болѣе растущую армію общественнаго переустройства». Указывая на ростъ нищеты и т. д., Марксъ указывалъ также и на «возмущеніе рабочаго класса, который постоянно растетъ и постоянно обучается, объединяется и организуется самимъ механизмомъ капиталистическаго процесса производства». (Тамъ же, стр. 95).

Свою «реалистическую» точку зрѣнія Струве пытается обосновать на «коренномъ положеніи историческаго матеріализма» о постоянно совершающемся «приспособленіи права къ экономіи», положеніи, по мнѣнію Струве, идущемъ въ разрѣзъ съ Марксовой концепціей социальной революціи, но обосновываетъ точку зрѣнія на томъ «коренномъ недоразумѣніи», въ которое при этомъ впадаетъ, исказивъ матеріалистическое ученіе Маркса. И во имя «реализма» же онъ отвергаетъ и «конечную цѣль», изъ предмета познанія дѣлая ее предметомъ религіи. Но «для того, чтобы «конечная цѣль»—говоритъ Плехановъ—стала для меня болѣе или менѣе благочестивою утопіей, неосуществимостью которой ясна для меня при свѣтѣ сознанія, необходимо, чтобы я предварительно убѣдилъ себя въ томъ, что никакого окончательнаго исхода развитіе нынѣшняго экономическаго порядка имѣть не будетъ и не можетъ по самому своему существу... Но что же означаетъ собою это признаніе невозможности окончательнаго исхода? Оно означаетъ убѣжденіе въ томъ, что процессъ развитія капитализма будетъ продол-

¹⁾ Плехановъ. „Критика нашихъ критиковъ“. Сиб. изд. 1906 г., стр. 97—98.

жаться постоянно, т. е. другими словами, что капитализм будет существовать всегда, или, по крайней мѣрѣ, такъ необовримо долго, что незачѣмъ и задумываться объ его устраненіи... Разъ у человѣка возникло такое убѣжденіе, то ему, въ самомъ дѣлѣ, не остается ничего другого, какъ положить «конечную цѣль» на божницу благочестивыхъ утопій и признать штопанье дыръ единственной общественной дѣятельностью, имѣющей подъ собой реальную почву» (Тамъ же, стр. 122). Свою антикритику Плехановъ суммировалъ въ выводѣ: «историческая миссія нашихъ «критиковъ» заключается въ «пересмотрѣ» Маркса для устраненія изъ его теоріи всего ея истинно-новаторскаго содержанія». Нашу «образованную мелкую буржуазію, идеологами которой являются гг. «критики», отталкиваютъ его (Маркса) крайніе выводы; ее пугаетъ его страсть. Но «по нынѣшнимъ временамъ» трудно обойтись и совсѣмъ безъ Маркса: его критическое оружіе необходимо въ борьбѣ съ охранителями всѣхъ реакціонныхъ цвѣтовъ и съ утопистами разныхъ народническихъ оттѣнковъ. Поэтому надо очистить теорію Маркса отъ ея плевелъ; надо противопоставить настоящему Марксу—Маркса-реформатора, Маркса-реалиста». «Марксъ противъ Маркса!» И вотъ закипаетъ работа «критики». Изъ теоріи Маркса выбрасываются одно за другимъ всѣ тѣ положенія, которыя могутъ служить пролетаріату духовнымъ оружіемъ въ его борьбѣ съ буржуазіей. Діалектика; матеріализмъ; ученіе объ общественныхъ противорѣчіяхъ, какъ о стимулѣ общаго прогресса; теорія стоимости вообще и теорія прибавочной стоимости въ частности; устраненіе капиталистическихъ отношеній производства; диктатура пролетаріата—всѣ эти необходимыя составныя части Марксоева ученія, безъ которыхъ оно утрачиваетъ все свое существенное содержаніе, объявляются второстепенными частностями, несоотвѣтствующими нынѣшнему состоянію науки, тенденціозными, утонченными... Мало-по-малу изъ горниза «критики» выходитъ такой Марксъ, который, мастерски доказывая намъ историческую необходимость возникновенія капиталистическаго способа производства, обнаруживаетъ очень большой скептицизмъ во всемъ томъ, что касается его устраненія. «Критика» ухитряется сдѣлать изъ Маркса почти консерватора» (стр. 125). Соціальная реформа въ теоріи Струве—говорилъ Плехановъ—не только не угрожаетъ господству буржуазіи, но, напротивъ, обѣщаетъ поддерживать его, содѣйствуя упроченію «соціальнаго мира». И если наша крупная буржуазія до сихъ поръ и слышать не хочетъ объ этой «реформѣ», то это не мѣшаетъ нашему «неомарксизму» быть лучшимъ и самымъ передовымъ выраженіемъ общихъ спеціально-политическихъ интересовъ буржуазнаго класса, какъ цѣлаго. Теоретики нашей мелкой буржуазіи видятъ дальше и судятъ лучше, чѣмъ дѣльцы—вожаки крупной. Поэтому ясно, что именно теоретикамъ нашей мелкой буржуазіи будетъ принадлежать руководящая роль въ освободительномъ движеніи нашего «средняго класса» (стр. 126).

Если Плехановъ доказывалъ теоретическую несостоятельность русской «критики Маркса» въ общихъ вопросахъ соціальнаго развитія, то работы другихъ авторовъ въ «Зарѣ» затрагивали отдѣльныя темы этой «критики» или анализировали общественно-политическое содержаніе ея появленія въ Россіи.

Такъ, Ленинъ,—въ своей неоконченной работѣ—выступалъ противъ «критиковъ» въ аграрномъ вопросѣ—Чернова и Булгакова ¹⁾; В. И. Засуличъ

отдавала должное «идеализму» Бердяева и его изобличенію европейскаго рабочаго движенія въ буржуазности, квалцифируя его «философію», какъ проектъ украшенія «буржуазной лавки» «букетомъ бумажныхъ цвѣтовъ» «абсолютнаго добра, истины и красоты». «Старый бумажный букетъ измялся, запылится, его не видно изъ-за тюковъ съ товарами, но почему же, въ самомъ дѣлѣ, не встряхнуть его и не поставить на видное мѣсто въ качествѣ «компенсаціи» за духовныя потери пролетаріата, заключающіяся въ возведеніи текущаго пятачка въ единственную цѣль и высшую цѣнность жизни»²⁾. Л. Аксельродъ (Ортодоксъ)³⁾ оперировала съ «гносеологіей» Струве, Л. Мартовъ, въ статьѣ «Всегда въ меньшинствѣ», ставилъ кризисъ русскаго марксизма въ связъ съ эволюціей буржуазной демократіи, предрекая революціонному марксизму удѣлъ «меньшинства», и Старовѣръ опредѣлялъ общественно-психологическое содержаніе того, «что случилось» съ русскимъ легальнымъ марксизмомъ.

И во всѣхъ этихъ работахъ красной нитью проходила борьба за самостоятельную политическую партію пролетаріата и за «конечную цѣль», какъ опредѣляющій принципъ этой партіи. Правда, ревизионизмъ, нападая на отдѣльныя положенія марксизма, еще остерегался, до поры до времени, открыто разрывать съ движеніемъ социаль-демократіи и тщательно подчеркивалъ свои социалистическія симпатіи. И однако, либеральный метаморфозъ буржуазной демократіи, явившійся дальнѣйшимъ этапомъ русскаго ревизионизма, только подтверждалъ справедливость той позиціи, которую занялъ по отношенію къ нему революціонный марксизмъ, и вѣрность поставленныхъ ревизионизму діагноза и прогноза.

Но если борьба противъ ревизионистскихъ идей въ конечномъ своемъ счетѣ была борьбой за идею самостоятельной политической партіи пролетаріата, то о борьбѣ революціоннаго марксизма противъ пережитковъ экономизма, еще висѣвшихъ непосредственно грузомъ надъ его партійно-политической практикой, приходится сказать, что эта борьба была борьбой за непосредственную реализацію уже существовавшей номинально партіи и за такіе методы ея построенія, при которыхъ этой партіи максимально обезпечивалась чистота ея социалдемократическихъ принциповъ.

Какъ мы уже говорили, къ моменту выступленія «Искры» старый экономизмъ уже умиралъ; въ атмосферѣ растущаго политическаго возбужденія, идея преждевременности перехода къ политической агитаціи въ рабочей массѣ становилась все болѣе вопиющимъ анахронизмомъ, пока, наконецъ, волна февральскихъ и мартовскихъ событій 1901 г. окончательно не смыла ее съ поверхности общественной жизни. Естественно, что при данныхъ условіяхъ марксистская критика «экономизма» не столько боролась съ нимъ, сколько подводила итоги, занимаясь уже въ сущности его ликвидаціей.

Именно, такой характеръ носила статья Плеханова въ «Зарѣ» (№ 1) — «Еще разъ социализмъ и политическая борьба» — и соответственно этому объектомъ своей критики брала не кричація проявленія экономизма, не эксцессы его антирево-

¹⁾ Ст. „Гг. „критики“ въ аграрномъ вопросѣ“, „Заря“, № 2—3.

²⁾ Ст. „Элементы идеализма въ социализмѣ“, „Заря“ № 2—3 и 4.

³⁾ „Почему мы не хотимъ идти назадъ“, „Заря“ № 2—3 и ст. „О нѣкоторыхъ философскихъ упражненіяхъ нѣкоторыхъ критиковъ“, „Заря“ № 4.

люционнаго настроенія въ извѣстномъ приложеніи къ «Рабочей Мысли», а то существо его взглядовъ, тотъ корень его теоретическихъ ошибокъ, который—по мнѣнію Плеханова—уже можетъ быть установленъ въ брошюрѣ «Объ агитаціи», сыгравшей такую значительную роль въ социалдемократической практикѣ половины 90-хъ годовъ. Эта брошюра—говорилъ Плехановъ—нанесла въ свое время сильный ударъ «кружковщинѣ», создавшей очень образованныхъ людей изъ отдѣльныхъ рабочихъ и рѣшительно неспособной вліять на массу, но она боролась съ кружковщиной такими доводами, которые дали ей возможность стать на нѣкоторое время «евангеліемъ чистыхъ экономистовъ, съ точностью воспроизводившихъ старыя ошибки народниковъ». Исходя изъ противопоставленія—«объективной логики вещей», которою народная масса вовлекается въ борьбу, «разсужденіямъ», якобы, не играющимъ при этомъ какой либо роли, авторъ брошюры «Объ агитаціи» тѣмъ самымъ закладывалъ основаніе для выводовъ, которые дѣлались затѣмъ «экономистами». Въ самомъ дѣлѣ, если «разсужденія» не имѣютъ значенія, то мы должны говорить народнымъ массамъ только то, что имъ доступно и безъ нашихъ разсужденій, слѣдовательно, сосредоточить свои усилія на ихъ ближайшихъ экономическихъ интересахъ. И если, далѣе, по мнѣнію автора брошюры, «роль нашей партіи ограничивается тѣмъ, чтобы опредѣлить тотъ моментъ, когда экономическая борьба рабочихъ должна перейти въ политическую, то ясно, что этому моменту будетъ предшествовать періодъ чисто-экономической агитаціи, до окончанія котораго всякая мысль о политической борьбѣ останется преждевременной, а потому и вредной». Такимъ путемъ мы приходимъ къ тому смѣшенію понятія «классъ» съ понятіемъ «партія», которое «служитъ теперь... источникомъ... заблужденій», препятствующимъ «извѣстной части русскихъ социаль-демократовъ не только вѣрно рѣшить, но даже правильно сформулировать нашу политическую задачу».

Между тѣмъ, надо помнить: «если рабочій классъ данной страны, взятый въ его цѣломъ... еще не созрѣлъ для перехода къ политической борьбѣ, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что «моментъ» такой борьбы еще не насталъ для партіи, задавшейя цѣлью политическаго воспитанія этого класса. Для партіи моментъ политической борьбы наступаетъ каждый разъ, когда она встрѣчаетъ поводъ для политической агитаціи». Въ противномъ случаѣ, игнорируя инициативу партіи въ дѣлѣ политической борьбы, мы логически приходимъ къ тому выводу, согласно которому «существованіе социаль-демократіи не имѣетъ теперь смысла»¹⁾.

Одновременно, однако, съ ликвидаціей «экономизма» и его тезиса о преждевременности политической агитаціи, на первый планъ выступала борьба съ тѣмъ хаосомъ его пережитковъ, широко разлитымъ въ социаль-демократической средѣ того времени, съ хаосомъ, который стоялъ на пути процессу консолидаціи социаль-демократіи въ партію, получившему свое выраженіе въ «Искрѣ» и ея организаціонно-политическихъ планахъ.

Организаціонная раздробленность, элементарность практики, не выходящая изъ среды взаимоотношеній между рабочими и предпринимателями, и соответственно, элементарность социаль-демократическихъ взглядовъ на политику—

¹⁾ Цитируемъ по изд. 1906 г., стр. 88—100.

это наследіе не только экономизма, но и всего періода легальнаго марксизма вообще, — или лучше, сказать, абсентеизмъ въ политикѣ и рядомъ политика, не объединенная единствомъ принципа, и какъ ея слѣдствіе, политическій импрессионизмъ, благодаря которому возможны были скачки отъ настроеній, непосредственно связанныхъ съ «экономизмомъ», вплоть до призывовъ на «штурмъ» и сочувствія террористическимъ методамъ дѣйствій — вотъ съ чѣмъ «Искрѣ» пришлось столкнуться съ первыхъ же шаговъ ея выступленія, и вотъ въ антагонизмъ къ чему опредѣлялось направленіе какъ ея политики, такъ и ея организационно-партийной практики.

«Содѣйствовать политическому развитію и политической организациі рабочаго класса — наша главная и основная задача», писала «Искра» въ передовой статьѣ своего перваго номера. «Всякій, кто отодвигаетъ эту задачу на второй планъ, кто не подчиняетъ ей всѣхъ частныхъ задачъ и отдѣльныхъ приемовъ борьбы, тотъ становится на ложный путь и наноситъ серьезный вредъ движенію. Отодвигаютъ эту задачу тѣ, кто суживаетъ содержаніе и размахъ политической пропаганды, агитаціи и организациі, кто считаетъ возможнымъ и умѣстнымъ угощать рабочихъ «политикой» только въ исключительные моменты ихъ жизни... кто слишкомъ заботливо размѣниваетъ политическую борьбу» противъ стараго режима «на требованія отдѣльныхъ уступокъ и недостаточно заботится о томъ, чтобы эти требованія отдѣльныхъ уступокъ возвести въ систематическую борьбу» рабочей партіи противъ существующаго политическаго строя.

И далѣе: «безъ такой организациі (т. е. безъ политической партіи) пролетаріатъ не способенъ подняться до сознательной классовой борьбы, безъ такой организациі рабочее движеніе осуждено на безсиліе, и одними только кассами, кружками и обществами взаимопомощи рабочему классу никогда не удастся исполнить лежащую на немъ великую историческую задачу: освободить себя и весь русскій народъ отъ его политическаго и экономическаго рабства». И въ заключеніе: мы осуществимъ эту задачу, «если всѣ силы пробуждающагося пролетаріата соединимъ со всѣми силами русскихъ революціонеровъ въ одну партію, къ которой потянется все, что есть въ Россіи живого и честнаго».

Передъ нами, такимъ образомъ, въ первомъ же номерѣ «Искры» очередная задача политической агитаціи въ рабочемъ классѣ и его политической организациі упирается въ идею гегемоніи пролетаріата и его социаль-демократическаго авангарда въ дѣлѣ политическаго освобожденія Россіи. И та же идея въ различныхъ вариантахъ встаетъ передъ нами и дальше. Напомнимъ, напр., статью «На порогѣ двадцатаго вѣка» во 2 № «Искры» съ ея заключительнымъ аккордомъ: «русская соц.-демократическая партія возьметъ на себя инициативу борьбы... и она нанесетъ... ударъ, опираясь на болѣе или менѣе энергичную, прямую или косвенную, поддержку всѣхъ тѣхъ элементовъ, на которые давитъ теперь тяжелое, неуклюжее зданіе неограниченной монархіи»... или перифразъ извѣстной рѣчи Плеханова на парижскомъ конгрессѣ 1889 года, въ статьѣ № 20 «Искры»: «только на фундаментѣ политическаго самосознанія русскаго пролетаріата можетъ быть воздвигнуто зданіе русской политической свободы! Русское революціонное движеніе восторжествуетъ, какъ движеніе рабочей массы, или совсѣмъ не восторжествуетъ»...

Но для того, чтобы понять политическую позицию, занятую «Искрой» и роль, которую въ ей представленіи играла идея гегемоніи, мы должны обратиться къ общественно-политической конъюнктурѣ того времени, когда выработывалась идеология «Искры». Это было время уже завершенной дифференцировки идейныхъ теченій, за которой, однако, еще не успѣла послѣдовать дифференцировка партійно-политическая.

Вплоть до начала 1902 года, когда обнаружались первые признаки буржуазно-демократической консолидаціи вокругъ либеральнаго земства и когда ростъ террористическихъ настроеній интеллигенціи въ связи съ начавшимися крестьянскими волненіями далъ благопріятную среду для развитія социалистовъ-революціонеровъ — «Искра» имѣла передъ собою ту аморфную обывательскую массу, тотъ конгломератъ либерально-демократическихъ и революціонно-настроенныхъ элементовъ, въ которомъ бродили извѣстныя тенденціи и слагались неопредѣлившіяся еще группировки, но который не могъ противопоставить чего либо съ своей стороны организационному процессу социаль-демократіи.

При такихъ то условіяхъ начинала свою публицистическую миссію «Искра», какъ литературная представительница социаль-демократіи и въ то же время, какъ органъ всенародныхъ политическихъ обличеній, въ поддержкѣ котораго непосредственно заинтересованы всѣ демократическіе элементы страны (см. ея «Объявленіе»). И при тѣхъ же условіяхъ начиналась впервые, въ обстановкѣ развивающейся политической жизни, конкретизація идеи гегемоніи — этой исконной концепціи революціоннаго русскаго марксизма. Неудивительно, что эта конкретизація носила на себѣ всѣ черты, принадлежавшія моменту, и идея гегемоніи воплощалась, напр., въ идеѣ руководства социаль-демократіи движеніемъ не одного только рабочаго класса, но и другихъ общественныхъ классовъ и группъ.

«Мы гордимся тѣмъ, говорилось въ 12-мъ № «Искры» въ «Бесѣдѣ съ защитниками экономизма», что «Искра» пробуждаетъ политическое недовольство во всѣхъ слояхъ населенія... Какъ передовой борецъ за демократію, социаль-демократія должна... руководить активной дѣятельностью различныхъ оппозиціонныхъ слоевъ, разъяснять имъ общее политическое значеніе ихъ частныхъ и профессиональныхъ столкновеній съ правительствомъ, привлекать ихъ къ поддержкѣ революціонной партіи, должна выработывать въ своей средѣ такихъ вождей, которые бы умѣли вліять на всѣ и всякіе оппозиціонные слои. Всякій отказъ отъ этой роли... равносильнъ новой «защитѣ отсталости» социаль-демократовъ, отсталости отъ подъема демократическаго общенароднаго движенія, равносильнъ передачѣ руководящей роли въ руки буржуазной демократіи».

Слѣдуя традиціямъ «Группы Освобожд. труда» и въ противоположность «экономизму», «Искра» признавала и подчеркивала, что въ борьбѣ за политическое освобожденіе Россіи у русской социаль-демократіи «много союзниковъ»¹⁾. Но то были «союзники», еще не сложившіеся въ партіи, то было «общество», къ которому «Искра» обращалась, напр., послѣ мартовскихъ дней 1901 года,

¹⁾ См. «Искра» № 16, ст. «Политическая агитація и классовая точка зрѣнія». Ср. также ст. Плеханова въ № 2 «Зари» «Что же дальше».

говоря: «теперь отъ политической зрѣлости русскаго общества будетъ зависѣть, сумѣетъ ли оно понять этотъ фактъ (участіе рабочихъ въ демонстраціяхъ. А. П.) и извлечь изъ него всѣ практическія слѣдствія... Организованный пролетариатъ получилъ теперь право надѣяться, что «общество» пойметъ, наконецъ, политическій смыслъ ведущейся имъ борьбы, и что оно признаетъ первенствующее политическое значеніе рабочаго движенія въ современной Россіи»¹⁾. Это «общество» надо было «подталкивать», ему приходилось оказывать помощь, и извѣстное предложеніе Ленинской статьи «Письмо къ земцамъ» («И.» № 18)—помощь «новымъ протестантамъ» изданіемъ и распространеніемъ листа ихъ—представляло лишь сколокъ съ тѣхъ реальныхъ отношеній, которые короткое время существовали въ дѣйствительности. Напоминаемъ о напечатаніи «Зарей» записки Витте «Самодержавіе и земство» съ либеральнымъ предисловіемъ, Р. Н. С. (Струве), но еще больше обращаемъ вниманіе на знаменательный фактъ заключенія въ самомъ началѣ 1901 года—договора, не получившаго, впрочемъ, осуществленія—между группой «Зари—Искры» и «группой демократической оппозиціи» «Свобода», въ лицѣ ея представителя, того же П. Струве. Предметомъ договора служило изданіе «общеполитическаго приложенія къ Зарѣ», подъ названіемъ «Современное Обозрѣніе», которое должно было выходить подъ совмѣстной редакціей представителей обѣихъ договаривающихся сторонъ. Въ виду чрезвычайной характерности этого, оставшагося до сихъ поръ совершенно неизвѣстнымъ, эпизода изъ исторіи взаимоотношенія нашихъ идейныхъ теченій,—мы приводимъ въ существенныхъ выдержкахъ принятый обѣими группами проектъ объявленія, въ которомъ заявленіе отъ имени редакціи «Зари» написано Плехановымъ, и отъ имени группы «демократической оппозиціи»—Струве».

«Русская социаль-демократія, говорилось въ объявленіи отъ редакціи „Зари“, въ лицѣ своихъ сознательныхъ элементовъ... всегда понимала, что побѣда надъ... старымъ режимомъ „можетъ быть куплена лишь цѣною одновременныхъ усилій всѣхъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ элементовъ нашей страны. Поэтому она всегда готова была... по мѣрѣ своихъ силъ поддерживать всякое, болѣе или менѣе прогрессивное, движеніе, направленное противъ существующаго у насъ порядка. Рѣзко осуждая—какъ совершенно нецѣлесообразную—мысль о полномъ сліянніи всѣхъ вышеназванныхъ элементовъ въ единую политическую партію, сознательные русскіе социаль-демократы всегда твердо держались того убѣжденія, что эти многообразные элементы... должны идти рядомъ и поддерживать другъ друга тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о борьбѣ съ общимъ... врагомъ. Въ виду этого наши читатели не удивятся, узнавъ, что редакція „Зари“ предприняла изданіе обще-политическаго приложенія къ своему журналу совмѣстно и на равныхъ правахъ участія въ редакціи съ представителями демократической оппозиціи, ставящими между прочими цѣлями задачу „политически осмысливать легальную борьбу съ... превосходно организованнымъ самовластіемъ бюрократіи“... Это политическое осмысливаніе легальной борьбы такъ наз. общества... несомнѣнно, составитъ собою политически необходимое и давно желанное дополненіе къ революціонной дѣятельности русскихъ социаль-демократовъ въ рабочей средѣ и потому найдетъ въ нихъ полнѣйшее сочувствіе..... Въ Россіи практическій интересъ, общій всѣмъ партіямъ, кромѣ партіи кнута и палки, заключается... въ торжествѣ политической свободы, и въ предѣлахъ этого общаго практическаго интереса самый элементарный политическій расчетъ предни-

¹⁾ „Искра“ № 3, ст. „Бурный мѣсяцъ“.

сываетъ этимъ партіямъ сближаться другъ съ другомъ и поддерживать другъ друга". На страницахъ „Современнаго Обзорія“.... „будетъ свободно высказываться всякое политическое мнѣніе, кромѣ мнѣнія противниковъ политической свободы“....

Съ своей стороны представители „демократической оппозиціи“ заявляли: „...желая служить дѣлу широкой общественной пропаганды идей свободы, мы не задаемся выработкой какой-либо партійной программы, предрѣшающей въ деталяхъ то или другое политическое устройство нашей многоплеменной и многоязычной страны.... Наше вниманіе будетъ одинаково удѣлено и нелегальной, т. наз. „революціонной“ борьбѣ и всѣмъ фактически осуществляемымъ и возможнымъ попыткамъ—бороться съ существующимъ политическимъ порядкомъ вещей на его собственной почвѣ. Мы напередъ заявляемъ, что одной изъ главнѣйшихъ задачъ литературнаго предпріятія будетъ—политически осмысливать легальную борьбу съ.. превосходно организованнымъ самовластіемъ бюрократіи.... Все больше и больше укрѣпляющееся и у русской оппозиціи и у... правительства убѣжденіе въ неразрывной исторической связи между т. н. легальной и культурной дѣятельностью и дѣятельностью, прямо и открыто направленной на измѣненіе существующаго политическаго порядка, является, на нашъ взглядъ, важнѣйшимъ приобрѣтеніемъ политическаго сознанія за послѣднее время.... Мы не отвергаемъ въ легальной общественной дѣятельности неизбѣжности извѣстныхъ компромиссовъ, но мы будемъ признавать только тѣ компромиссы, которые диктуются неуклоннымъ стремленіемъ скорѣе и прочіѣе завоевать для русскаго человѣка условія достойнаго политическаго существованія. За этими предѣлами практичность переходитъ въ нравственно презрѣнную и политически опасную безпринципность.... Наконецъ, мы считаемъ нужнымъ подчеркнуть, что мы такъ же, какъ и соединившаяся съ нами для общаго дѣла социаль-демократическая группа, признаемъ первостепенное политическое значеніе и призваніе русскаго рабочаго движенія. Въ немъ политическая мысль интеллигенціи нашла себѣ могучаго союзника, съ ростомъ котораго отнынѣ неразрывно связаны судьбы политической свободы въ Россіи. Мы рассчитываемъ, что „Совр. Обзор.“ встрѣтитъ сочувствіе и поддержку со стороны всѣхъ оппозиціонныхъ элементовъ. Задача его—соединить всѣ эти элементы на одномъ литературномъ предпріятіи, въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ единственной организованной силой русской оппозиціи, социаль-демократіей“....

Какъ мы уже сказали, этотъ историческій документъ реализованъ не былъ, но и въ этомъ своемъ нереализованномъ видѣ онъ остается для насъ неоцѣненнымъ свидѣтелемъ того положенія вещей, которое вынуждало либеральную демократію—при ея политическомъ дебютѣ—дѣлать попытки создать общую съ революціоннымъ марксизмомъ литературную трибуну и искать опоры вообще «въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ единственной организованной силой русской оппозиціи—социаль-демократіей».

Мы имѣемъ дѣло съ интереснымъ моментомъ, когда процессъ высвобожденія демократіи изъ подъ вліянія марксизма, въ сущности почти уже законченный, столкнулся съ растущимъ престижемъ организационно-агитаціонной работы социаль-демократіи и далъ въ результатъ эту своеобразную литературно-политическую комбинацію—наканунѣ мартовскихъ дней 1901 года.

Демонстраціонная эра, начавшаяся этими днями и выдвинувшая опять на политическую сцену студенчество и съ нимъ вмѣстѣ демократическую интеллигенцію вообще, относительно понизила въ глазахъ демократіи политическій вѣсъ пролетаріата и повысила ея собственную цѣнность, тѣмъ самымъ давъ

сильный толчек молекулярным процессам сплочения в различных слоях демократии. Но непосредственно в политическую концепцию русского марксизма, эта эра не внесла серьезных изменений. Напротив того, как мы увидим сейчас, расцвет политических идей, характеризующих «Искру» ее первого фазиса развития, т. е. «Искру» того времени, которое предшествовало партийному съезду 1903 г., уже относится в моменту, когда приходило к концу, как монопольное положение «Искры» в роли единственного в России свободного периодического органа, так и монополия социалдемократической организованности. Идеология же все еще продолжала разворачиваться в том направлении, которое было дано политической конъюнктурой первоначального выступления «Искры».

Так еще началу 1902 г. принадлежит едва ли не наиболее из всех характеризующее момент понимание идеи гегемонии. Мы говорим о послесловии, которым «Искра» (№ 18) сопровождала статью Каутского — «Славяне и революция». В этой статье Каутский высказывал уверенность, что мировой революционный центр передвигается в Россию, и надежду, что русской социалдемократии удастся одолеть тот новый «священный союз», который представлен европейским капиталом и русским абсолютизмом. «Искра», с своей стороны, замечала: «если русской социалдемократии действительно удастся отвоевать себе роль передового борца за освобождение пролетариата всего мира, то поистине неизмерима будет та мощь, которую эта гегемония придаст нашей собственной борьбе за достижение наших ближайших, самых насущных задач. Потому что стоять во главе значит пользоваться всею той силой, которая идет позади». И показав на примѣрахъ, в чемъ должна выразиться поддержка этой силы, «Искра» заключала: «но чтобы добиться такой гегемонии, недостаточно говорить о ней... Мы должны развить революционную мысль и революционное дело до последних предѣловъ и должны объявить непримиримую борьбу всему, что подтачивает нашу революционность... Мы должны взять в свои руки руководство борьбой всехъ революционныхъ и оппозиционныхъ слоевъ русского народа, потому что, какъ можемъ мы мечтать о томъ, чтобы стать во главе всемирной революци, если не сумѣемъ встать во главе русской?» Конечно, идея мировой гегемонии была лишь болѣе или менѣе случайнымъ отголоскомъ взглядовъ, высказанныхъ Каутскимъ, но тѣмъ отчетливѣе выступала на ее фонѣ идея русской гегемонии, в специфической формѣ, принадлежавшей моменту, и в той оптимистической окраскѣ, с которой контрастировало едва ли не одно пессимистическое «Всегда въ меньшинствѣ» Л. Мартова, во 2 № «Зари».

И в началѣ же 1902 года выходитъ памфлетъ Ленина «Что дѣлать», в которомъ нашла свою систематизацию организационно-политическая реакция противъ экономизма. Отдѣльными проявленіями этой реакции мы можемъ наблюдать тамъ и здѣсь на всемъ протяжении первыхъ двухъ лѣтъ существованія «Искры», и уже в ее 3 №, в статьѣ «Съ чего начать» данъ Ленинымъ первоначальный набросокъ его будущей схемы. Но только в «Что дѣлать» передъ нами выступаетъ эта реакция противъ экономизма в видѣ опредѣленнаго идейнаго наслоения на революционномъ русскомъ марксизмѣ.

Дѣло в томъ, что по мѣрѣ того, какъ процессъ формировація социалдемократической партіи в данной исторической обстановкѣ принималъ все болѣе ха-

рактёр формирования революционно-интеллигентского аппарата для руководства движением рабочего класса, въ революционно-марксистскую идеологию врывалась струя, которая искала идеологического выражения для этого, правда, еще не осознанного, но инстинктивно ощущавшагося момента въ развитіи русскаго социал-демократическаго движениа. И вотъ создается концепція, въ которой на первое мѣсто выступаетъ централизованная организація профессиональныхъ революционеровъ, въ качествѣ носительницы социалистическаго начала, а рабочее движеніе само по себѣ представляется идущимъ въ направленіи буржуазнаго развитія. «Исторія всѣхъ странъ свидѣтельствуетъ, — говоритъ Ленинъ ¹⁾, — что исключительно своими собственными силами рабочий классъ въ состояніи выработать лишь сознаніе трэдъ-юнионистское»... Трэдъ-юнионизмъ же означаетъ «порабощеніе рабочихъ буржуазіей». Социализмъ приносится рабочему движению извнѣ. Такъ, у насъ теоретическое ученіе социалдемократіи есть «естественный и неизбежный результатъ развитія мысли у революционно-социалистической интеллигенціи». И въ соответствіи съ этимъ представленіемъ о «буржуазности» массъ и социалистической «сознательности» «профессионально-революционной» интеллигенціи, организація профессиональныхъ революционеровъ становится центромъ, къ которому приурочивается политическое движеніе рабочего класса, и въ то же время центромъ, рассылающимъ своихъ агентовъ-агитаторовъ «во всѣ классы населенія» и осуществляющимъ тѣ грандіозныя политическія задачи, которыя предносились социалдемократіи. Подъ знакомъ этой концепціи ведется война съ «кустарничествомъ» экономистовъ, «демократическому» принципу въ организаціяхъ противопоставляется принципъ построенія партіи сверху, и вырабатывается планъ созданія организаціи вокругъ обще-русской политической газеты.

Такимъ образомъ, какъ антитеза экономизму, въ нѣдрахъ революціоннаго марксизма появляются первыя очертанія того видоизмѣненнаго бланкизма, который въ 1903 году приводитъ къ расколу и уже позже — въ эпоху революціи — развертываетъ свое общественно-политическое содержаніе. Но въ моментъ появленія «Что дѣлать» — этотъ бланкизмъ еще не выдѣляется изъ общаго революціонно-марксистскаго русла — и хотя и непріемлемый въ цѣломъ отдѣльными представителями революціонно-марксистской идеологіи — быстро идетъ къ господству въ социалдемократической практикѣ и опредѣляетъ собой организаціонно-политическую линію «Искры».

Если, говоря объ идеѣ гегемоніи, мы могли констатировать, какъ въ ея проявленіяхъ своеобразно преломилась политическая конъюнктура момента, то въ этомъ слетеніи бланкизма съ марксизмомъ передъ нами впервые отражается противорѣчіе между огромностью тѣхъ политическихъ задачъ, которыя выдвигались передъ революціонно-марксистской интеллигенціей вмѣстѣ съ ходомъ событій, и тѣмъ моментомъ въ движеніи рабочего класса, когда проникавшее въ него политическое сознаніе — благодаря ряду историческихъ условій — еще не претворялось въ организаціонно-партійное слоченіе самого пролетаріата, и когда, наоборотъ, процессъ революціонно-интеллигентской консолидаціи сплошь и рядомъ глушилъ первоначальные всходы пролетарской самодѣятельности.

¹⁾ См. „За 12 лѣтъ“ изд. 1908 г., стр. 205 и др.

Но рядомъ съ этимъ процессомъ насланиванія чуждыхъ марксизму элементовъ, шло дальнейшее самоопредѣленіе революціонно-марксистской идеологіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлялась политическая позиція марксизма—въ его критикѣ формировавшагося либерализма, въ его борьбѣ съ терроризмомъ социалистовъ-революціонеровъ и ихъ аграрными утопіями. Выработка партійной программы какъ бы завершала этотъ процессъ революціонно-марксистскаго самоопредѣленія.

Для революціонно-марксистскаго теченія 1902-ой годъ былъ тѣмъ водораздѣломъ, которымъ закончилась начальная полоса его партійно-политическаго существованія, когда его вниманіе сосредоточивалось по преимуществу на вопросахъ бернштейнства и экономизма и на фиксированіи его общей организационно-политической линіи, и которымъ начинался періодъ его столкновенія съ уже сложившимися въ партіи противниками. Впрочемъ, съ либерализмомъ революціонный марксизмъ столкнулся еще раньше, еще тогда, когда предисловіе Струве къ запискѣ Витте—«Самодержавіе и Земство» вызвало реплику Ленина во 2 № «Зари», его статью—«Гонители земства и аннибалы либерализма».

«Мы будемъ, писалъ Ленинъ, приветствовать ростъ политическаго самосознанія въ имущихъ классахъ, мы будемъ поддерживать ихъ требованія, мы постараемся, чтобы дѣятельность либераловъ и социалдемократовъ взаимно пополнила другъ друга». Но «мы никогда и ни въ какомъ случаѣ не откажемся отъ рѣшительной борьбы съ тѣми иллюзіями» либерализма, которыя позволяютъ ему предполагать, «будто возможно еще парламентарство» со старымъ режимомъ, «будто какое нибудь земство есть зародышъ конституціи, будто искреннимъ сторонникамъ этой послѣдней можно исполнять свою аннибалову клятву посредствомъ терпѣливой легальной дѣятельности и терпѣливыхъ призывовъ къ смиренію врага»¹⁾.

Какъ видимъ, политика революціонной борьбы противопоставляется здѣсь «политиканству»²⁾ либерализма, подмѣняющаго борьбу «умѣлой тактикой лавированія между враждующими другъ съ другомъ сторонами. И это же противопоставленіе проходитъ и дальше черезъ всю полемику «Искры» съ «Освобожденіемъ», усиленное и осложненное противопоставленіемъ демократическихъ задачъ социалдемократіи—отсутствію демократизма въ идеологіи либеральнаго движенія, его вѣчной боязни народа и отраженію въ немъ классовыхъ интересовъ помѣщиковъ.

«Либералы—говорила «Искра» въ передовой статьѣ своего 23 № («Программа русскихъ либераловъ») —организуются не столько для борьбы» съ существующимъ режимомъ «въ настоящее время, сколько для переговоровъ» съ нимъ «въ такое время, когда послѣдній, подъ вліяніемъ ужаса передъ рабочимъ движеніемъ и другими революціонными силами, станетъ думать о серьезной политической реформѣ». «Какія же условія поставятъ въ этотъ моментъ наши либералы?»—Передъ режимомъ, расшатаннымъ революціоннымъ движеніемъ, «земская политическая партія», съ которой солидаризируется «Освобожденіе», «выступаетъ съ требованіемъ, чтобы ликвидація» стараго и «опредѣленіе основъ новаго,

¹⁾ См. «За 12 лѣтъ», стр. 183.

²⁾ Ср. статью «Политическая борьба и политиканство» «Искра», № 26.

свободноконституціоннаго, порядка было поручено никому иному, а представителямъ земствъ и городскихъ думъ, т. е. известной части земельныхъ собственниковъ и капиталистовъ». «Стало быть», заключала «Искра», «либеральная буржуазія больше всего озабочена», «чтобы дѣло установленія новаго порядка досталось цѣлкомъ въ ея руки». Наши «либеральные помѣщики», «выговоривъ себѣ полномочіе устроить судьбы русскаго народа въ собраніи земскихъ представителей», полагаютъ при этомъ, что «вовсе не слѣдуетъ вводить тѣхъ «экономическихъ» реформъ, тѣхъ мѣръ по «рабочему и аграрному вопросу», которыя должны быть проведены послѣ политическаго освобожденія Россіи. Это дѣло тѣхъ парламентовъ, которыми насъ наградить Земскій Соборъ». И точно также «они не берутъ на себя даже обязательства предоставить» народу «политическое равенство, немыслимое безъ равнаго и всеобщаго избирательнаго права». Резюме: «ни рабочій классъ, ни революціонная демократія вообще не могутъ оказать такой партіи никакого политическаго кредита».

Это былъ отвѣтъ на литературно-политическій дебютъ либерализма. Основныя черты этого отвѣта повторяются затѣмъ въ многочисленныхъ статьяхъ, которыя «Искра» въ разное время посвятила либерализму вообще, «Освобожденію» въ частности. По существу же мы сказали бы: нервъ этой полемики заключался въ борьбѣ съ либерализмомъ за обладаніе демократіей; демократіей, которая находясь въ союзѣ съ земцами, поступалась и демократизмомъ своихъ требованій, и рѣшительнымъ методомъ дѣйствій, и которая, только пріобщиаясь къ движенію рабочаго класса, могла бы надѣяться на осуществленіе своихъ демократическихъ цѣлей. «Только слѣдуя за революціоннымъ пролетариатомъ—говорила, напр., «Искра» въ статьѣ «Революціонный годъ» (№ 40, май 1903 г.)—русская демократія можетъ успѣшно работать» надъ ликвидаціей стараго порядка. «Пониманіе этой истины—прибавляла «Искра»—несомнѣнно проникаетъ въ широкіе круги демократической интеллигенціи по мѣрѣ того, какъ мужаетъ и проявляетъ свою зрѣлость русское рабочее движеніе»...

Одновременно же съ тѣмъ, какъ развертывалась эта полемика съ либерализмомъ, разгоралась борьба революціоннаго марксизма съ обновленнымъ народничествомъ—старая борьба, содержаніе которой, однако, опредѣлялось теперь уже тѣми условіями, въ которыхъ протекала партійно-политическая дѣятельность обоихъ направленій. Поэтому рядомъ съ критикой того рецидива утопическаго крестьянофильства, который въ такой рѣзкой формѣ далъ себя знать въ литературѣ социалистовъ-революціонеровъ послѣ крестьянскихъ волненій 1902 г. въ центрѣ борьбы становится вопросъ, какъ будто бы узко-практический, а на самомъ дѣлѣ являвшійся, быть можетъ, наилучшимъ оселкомъ для испытанія политики, какъ марксистскаго направленія «Искры», такъ и социальна-революціоннаго направленія «Революціонной Россіи».

Мы имѣемъ въ виду тотъ вопросъ о террористическихъ тенденціяхъ, въ борьбѣ съ которыми «Искра» развивала свою точку зрѣнія классовой пролетарской политики. Еще въ 3 № «Искры», когда, послѣ выстрѣла Карповича, впервые вопросъ о террорѣ сталъ привлекать къ себѣ общественное вниманіе, В. И. Засуличъ заговорилъ о присущемъ этому методу свойствѣ разливать вокругъ себя пассивно-созерцательное отношеніе къ политической борьбѣ, при которомъ общая задача сваливается на

плечи «передового отборного отряда». И тогда же, въ фельетонѣ 4-го № «Вопросы дня», въ полемикѣ противъ «историческаго поворота» «Рабочаго Дѣла», «Искра» устанавливала связь между возникновеніемъ подобныхъ тенденцій въ средѣ интеллигенціи и «недовѣріемъ» этой интеллигенціи къ способности пролетариата и его представительницы — социалдемократин — стать «во главѣ общественнаго движенія». Но только съ тѣхъ поръ, какъ терроръ сталъ признаннымъ тактическимъ приемомъ цѣлой партіи и получилъ свое теоретическое обоснованіе въ статьяхъ официального органа социалистовъ-революционеровъ — «Революціонной Россіи», полемика «Искры» принимаетъ характеръ систематическаго отстаиванія классовой политической борьбы пролетариата и ея методовъ массоваго дѣйствія противъ такихъ приемовъ, которые характеризуютъ движеніе интеллигенціи и способны только дезорганизовать какъ все освободительное движеніе въ цѣломъ, такъ и въ частности — массовое движеніе рабочаго класса. Такъ, въ 20 № «Искра» писала: «всѣмъ извѣстно, что приемы борьбы, употребляемые всякой данной арміей, опредѣляются ея составомъ. Составъ рабочей арміи таковъ, что для нея самымъ удобнымъ и самымъ дѣйствительнымъ приемомъ борьбы являются демонстраціи и вообще всякаго рода массовыя уличныя движенія». «При нашихъ нынѣшнихъ условіяхъ» вышеуказанный методъ борьбы, недоступный, вообще говоря, для массъ, «привелъ бы къ тому, что изъ нея выдѣлились бы и слились бы съ террористами-интеллигентами отдѣльныя личности и группы личностей, вся же остальная ея масса стала бы гораздо менѣе активной, вслѣдствіе чего только замедлилось бы, — если бы не прекратилось совершенно, — дѣло политическаго воспитанія нашего пролетариата»...

«Политическое воспитаніе пролетариата», т. е. интересы пролетарскаго движенія въ его цѣломъ — вотъ та верховная инстанція, передъ лицомъ которой — несмотря на извѣстную примѣсь уже отмѣченныхъ нами наслоеній на марксизмъ и въ противоположность другимъ направленіямъ русской общественно-политической мысли — рѣшались всѣ вопросы практической политики «Искры». И ею же опредѣлялась и линія разногласія между «Искрой» и социалистами-революционерами, какъ въ данномъ, такъ и въ другихъ тактическихъ вопросахъ.

И въ непосредственной же зависимости отъ этого представленія о пролетариатѣ, какъ единственномъ классѣ, движеніе котораго является гарантіей для осуществленія идей социализма, стояло и рѣшеніе направленіемъ «Искры» аграрнаго вопроса, какъ и та концепція крестьянства и характера предстоящей въ Россіи революціи, которая отдѣляла «Искру» такой рѣзкой чертой отъ ретарированнаго народничества соц.-революционеровъ.

«Безполезно», говорила «Искра» (см. № 3, ст. «Рабочая партія и крестьянство»), «обманывать крестьянина иллюзіей возможнаго и при капитализмѣ благосостоянія», бесполезно пытаться спасти его защитой мелкаго хозяйства и мелкой собственности. Въ деревнѣ идетъ неуклонный процессъ разслоенія, и пролетаризирующееся крестьянство «только примыкая къ рабочему движенію, помогая ему въ его борьбѣ за социалистическій строй», можетъ избавиться отъ гнета капитала. Но не эта классовая противоположность господствуетъ сейчасъ надъ русской деревней. «Нашъ крестьянинъ страдаетъ... не только и даже не столько отъ гнета капитала, сколько отъ гнета

помѣщиковъ и отъ остатковъ крѣпостничества». И именно этотъ вопросъ—вопросъ о сметеніи остатковъ крѣпостничества, о вытравленіи изъ всѣхъ порядковъ русскаго государства духа сословной неравноправности, приниженія десятковъ милліоновъ простонародія—имѣеть сейчасъ «общенациональное значеніе».

Подъ этимъ угломъ зрѣнія подходила «Искра» и къ крестьянскому движенію 1902 года, имѣвшему такое рѣшающее значеніе въ идеологии соц.-революционеровъ. Крестьянское движеніе, говорила «Искра» (№ 21 ст. «Крестьянское возстаніе») «всегда предшествовало и соутствовало буржуазной революціи» и оно должно было сыграть «въ послѣдній разъ свою роль», прежде чѣмъ «смогло на просторѣ развернуться современное движеніе пролетаріата». Соц.-революционеры обвиняютъ «Искру», что, назвавъ крестьянское движеніе послѣднимъ мятежомъ крестьянства, она рано заговорила за упокой: крестьянство—поучаютъ насъ—можетъ участвовать и въ социалистическомъ движеніи пролетаріата. Это обвиненіе наглядно показываетъ всю путаницу мысли соц.-революционеровъ. Они не разобрались даже въ томъ, что одно дѣло—демократическое движеніе противъ остатковъ крѣпостничества, другое дѣло—социалистическое противъ буржуазіи... О томъ, что гибнущіе мелкіе производители (крестьяне въ томъ числѣ) могутъ и должны участвовать въ социалистическомъ движеніи пролетаріата, «Искра» не только сказала въ своей программѣ, но и точно опредѣлила условія этого участія. Но современное крестьянское движеніе вовсе не является социалистическимъ... Наоборотъ, оно объединяетъ буржуазные и пролетарскіе элементы крестьянства, которые, дѣйствительно, едины въ борьбѣ съ остатками крѣпостничества. Современное крестьянское движеніе ведетъ—и приведетъ—къ установленію не социалистическаго и не полусоциалистическаго, а буржуазнаго сельскаго уклада, очистивъ созрѣвшіе уже буржуазные устои нашей деревни отъ крѣпостническихъ путъ». «Революція, навстрѣчу которой быстро идетъ современная Россія, будетъ буржуазной революціей—не разъ подчеркивала «Искра»,—въ томъ смыслѣ, что она окончательно очиститъ путь общественнаго развитія отъ всѣхъ историческихъ пережитковъ крѣпостнаго строя и дастъ полный просторъ развитію капитализма и порождаемой имъ классовой борьбѣ» («Искра» № 24 ст. «Революціонный авантюризмъ»).

Итакъ, крестьянское движеніе есть движеніе не социалистическое, а демократическое, и только тѣ элементы крестьянства, которые въ процессѣ разложенія своей психологии мелкаго собственника переходятъ на точку зрѣнія пролетаріата, сливаются съ современнымъ социалистическимъ движеніемъ рабочаго класса. Отправляясь отъ этой именно концепціи крестьянства и крестьянскаго движенія, которая, между прочимъ, нашла свое развитіе въ рядѣ статей Плеханова «Пролетаріатъ и крестьянство», «Искра» вела свою борьбу съ представленіемъ социалистовъ-революционеровъ о тройственно-единомъ характерѣ трудовой социалистической арміи, состоящей изъ пролетаріата, крестьянства и интеллигенціи; изъ нея же исходя, она устанавливала свое отрицательное отношеніе къ вопросу о націонализациіи земли, и предлагала аграрную программу, принятую съѣздомъ 1903 года.

«Съ точки зрѣнія интересовъ борьбы пролетаріата, единственной борьбы, ведущей къ освобожденію человѣчества—заявляла «Искра» (№ 27 ст. «Къ

эпизоду крестьянских бунтов») — социалдемократія взвѣшиваетъ социальную и политическую цѣнность всѣхъ возникающихъ въ современной Россіи общественныхъ движеній, беретъ на себя поддержку всего того въ нихъ, что содѣйствуетъ общественному развитію... «Она не скажетъ крестьянамъ, что осуществленіе ихъ притязаній на панскую землю будетъ началомъ конца всякаго буржуазнаго развитія.. Напротивъ, она скажетъ ему... что осуществленіе его стремленій къ пріобрѣтѣнью земли можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, избавить его отъ мученій докапиталистической кабальной эксплуатаціи, но не разрушить вопроса объ общей буржуазной эксплуатаціи... Она поддержитъ крестьянскія требованія объ экспроприаціи земель, служащихъ средствомъ поддержанія кабальныхъ, полукрѣпостническихъ общественныхъ отношеній и поможетъ рациональной формулировкѣ этихъ требованій, но она никогда не опустится до того, чтобы въ этихъ требованіяхъ признать свой социалистическій идеалъ и чтобы питать въ крестьянствѣ вѣру въ исцѣлимость всѣхъ его социальныхъ недуговъ примѣненіемъ этого средства». «И съ этой же точки зрѣнія» социалдемократія относится «къ выставленному теперь съ разныхъ сторонъ требованію «націонализации земли». «Мы слишкомъ отчетливо представляемъ себѣ, какіе общественные классы пріобрѣтутъ политическое господство въ Россіи на другой день послѣ переворота, за который мы боремся, чтобы восторгаться идеей о передачѣ въ руки этихъ буржуазныхъ классовъ распоряженія земельнымъ фондомъ страны». Съ другой же стороны, мы знаемъ хорошо, говорила «Искра», что демократамъ и соц.-революціонерамъ «націонализация земли нужна для поддержанія если не самого крестьянскаго «самостоятельнаго» хозяйства, то, по крайней мѣрѣ, крестьянскихъ предразсудковъ объ укрѣпленіи такого хозяйства при капитализмѣ». Соціаль-демократія къ этому «не можетъ приложить своихъ рукъ» и, съ своей стороны, «не станетъ замалчивать того для нея несомнѣннаго факта, что для «трудоваго крестьянства» задача социального освобожденія неразрѣшима внѣ задачи социального освобожденія пролетаріата», т. е. внѣ заключительнаго акта пролетарскаго движенія.

Какъ мы уже сказали, этой постановкой вопроса предуказывалось и то направление, въ которомъ «Искра» должна была намѣчать свои аграрныя требованія. И, дѣйствительно: требованія проекта аграрной программы, выработаннаго редакціей «Искры» - «Зари», какъ то возвращеніе выкупныхъ платежей, извѣстный пунктъ объ «отрѣзкахъ» и т. д., давались съ мотивировкой, что они выставляются «въ цѣляхъ устраненія остатковъ крѣпостнаго порядка, тяжелымъ гнетомъ лежавшихъ на крестьянахъ, и въ интересахъ свободнаго развитія классовою борьбы въ деревнѣ»... Это была постановка вопроса, какъ это отмѣчалось въ комментаріяхъ Плеханова и Ленина къ программѣ (См. № 4 «Зари»), по существу отличная отъ постановки вопроса въ западно-европейской социалдемократической литературѣ и диктовавшаяся специфическими условіями переживавшейся Россіей исторической эпохи. «Прежде чѣмъ ставить аграрный вопросъ—писалъ Плехановъ¹⁾—въ томъ смыслѣ, въ какомъ его ставятъ западно-европейскіе социал-

¹⁾ «Заря» № 4, ст. «Проектъ программы Р. С. Д. П., стр. 35.

демократы, мы должны добиться раскрепощения нашего крестьянина, мы должны ввести его въ условия жизни, свойственныя нынѣшнему европейскому обществу. Соціальная революція, которую намъ предстоитъ теперь совершить въ русской деревнѣ, есть революція «третьяго сословія», а не революція пролетаріата».

Мы подошли, такимъ образомъ, къ послѣдному моменту того фазиса въ развитіи революціонно-марксистской идеологіи, который въ извѣстномъ смыслѣ получилъ свое увѣчаніе въ выработкѣ и принятіи программы. Въ русскихъ условіяхъ это былъ первый случай, когда идейное теченіе отверждалось въ принятой коллективностью программѣ, подводящей итоги теоретической работѣ мысли и борьбѣ этого теченія, и въ то же время сводящей во-едино и систематизирующей свои практическія требованія отъ жизни.

Правда, еще въ 84 году былъ выработанъ Груп. Освоб. Труда и въ 85 г опубликованъ проектъ программы, но этотъ проектъ не былъ принятъ открыто какимъ-либо изъ дѣйствовавшихъ тогда въ Россіи кружковъ и, по словамъ Плеханова, «представлялъ собою скорѣе очень сжато написанную статью, чѣмъ программу въ собственномъ смыслѣ слова». На проектѣ, говоритъ Плехановъ, лежитъ печать тѣхъ уступокъ «пародическимъ предразсудкамъ», которыя дѣлала въ то время Груп. Освоб. Труда, въ расчетѣ на то, что путемъ этихъ уступокъ она сможетъ завоевать революц. интеллигенцію, только-что пережившую крушеніе своихъ прежнихъ взглядовъ, но еще не свободную отъ извѣстныхъ традицій¹⁾. Отсюда включеніе въ программу требованія государственной помощи производительнымъ товариществамъ и «неопредѣленная формулировка аграрныхъ требованій», какъ-то—«радикальный пересмотръ нашихъ аграрныхъ отношеній, т. е. условий выкупа земли и надѣленія ею крестьянскихъ обществъ» и т. п.

Въ теченіе 90-хъ годовъ мы не встрѣчаемъ уже новой попытки формулировать программу, что же касается социалдемократическихъ требованій специально въ аграрномъ вопросѣ, то передъ нами, съ одной стороны, та постановка вопроса, которая выдвигается Плехановымъ въ его «Задачахъ социалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи», а съ другой,—тотъ доклад русскихъ социалдемократовъ по аграрному вопросу на международный Лондонскій съѣздъ 1896 г., который—въ духѣ всего періода легальнаго марксизма—игнорируетъ специфическія условія эпохи раскрепощенія Россіи и—соотвѣтственно этому—отвергаетъ необходимость какихъ-либо требованій въ аграрномъ вопросѣ.

Программа «Искры»--«Зари» непосредственно уже связана съ процессомъ консолидаціи социаль-демократіи въ партію. Въ ней какъ бы подводится итогъ тому періоду въ развитіи рев.-марксистской идеологіи, когда, съ одной стороны, шла усиленная идейная работа надъ вопросами организациі, и съ другой—«на первый планъ выдвигалась задача подготовленія элементовъ единства въ партіи путемъ идейной борьбы за очищеніе пролетарскаго движенія отъ всѣхъ чуждыхъ, историческими судьбами принесенныхъ въ него, элементовъ». Это была не компромиссная программа, а программа, такъ сказать, заостренная на всѣ тѣ вопросы, которые—какъ говорилъ Плехановъ въ своей пояснительной статьѣ—«подняты были въ социально-политической литературѣ капиталистическихъ странъ

¹⁾ См. цит. стат., стр. 18.

критическимъ походомъ болѣе или менѣе ученыхъ представителей буржуазіи противъ научнаго социализма Маркса и Энгельса»: вопросъ объ увеличеніи или уменьшеніи общественнаго неравенства, вопросъ о кризисахъ, о концентраціи производства, о «диктатурѣ пролетаріата», какъ предпосылкѣ социальнаго переворота, о роли социалдемократіи, какъ «передового отряда рабочей арміи и вмѣстѣ ея руководителя», и, наконецъ, объ отношеніи другихъ общественныхъ классовъ къ основной борьбѣ труда съ капиталомъ.

И въ то же время это была программа, для которой въ центрѣ становился вопросъ объ освобожденіи Россіи—говоря словами программной мотивировки—отъ всѣхъ «остатковъ» «докапиталистическаго общественнаго порядка», какъ въ сферѣ политики, такъ и въ сферѣ экономическихъ отношеній. Такъ, аграрныя требованія программы, какъ мы уже видѣли, являлись производными отъ этой основной ея идеи.

Программа «Искры»-«Зари» была принята на съѣздѣ 1903 г. съ незначительными поправками и стала официальнымъ выраженіемъ точки зрѣнія россійской социалдемократіи. Только аграрная часть ея не встрѣтила того единодушнаго признанія, которымъ пользовались всѣ остальные положенія программы, и тогда же Иксъ, выступая противъ нея съ возраженіями, въ вышедшей ко времени съѣзда брошюрѣ, развивалъ тѣ идеи, которыя впоследствии легли въ основаніе программнаго требованія «муниципализаціи». Впрочемъ, уже тогда условное значеніе аграрной программы «Искры»-«Зари» отгѣнялось въ комментаріи Плеханова, который замѣчалъ, что въ «революціонную эпоху экспроприація землевладѣльцевъ можетъ явиться необходимымъ условіемъ социально-политической побѣды револ. партіи» и что постановка и рѣшеніе даннаго вопроса «будетъ обусловливаться соотношеніемъ силъ въ такую эпоху».

Почти единогласное принятіе программы на съѣздѣ было своего рода формальнымъ подтвержденіемъ того «очищенія» социаль-демократическаго движенія отъ «чуждыхъ ему элементовъ», о которомъ говорилось въ послѣсловіи «Искры» къ программѣ, и которое по существу уже закончилось раньше—еще къ моменту выступленія на политическую сцену различныхъ группъ демократіи, вводившихъ и закрѣплявшихъ за собой эти «чуждые элементы» въ процессѣ своей консолидаціи.

Но съ тѣмъ вмѣстѣ приходила къ концу и цѣлая опредѣленная полоса въ партійно-политическомъ развитіи революціонно-марксистскаго теченія, полоса его лихорадочно-быстраго формированія въ борьбѣ съ бернштейнствомъ и экономизмомъ вначалѣ, съ народничествомъ и либерализмомъ новообразовавшихся партій впоследствии. Его стремительный организаціонный успѣхъ внутри партіи до поры до времени не позволялъ развиваться самокритикѣ, а та почва подъ ногами, которая ощущалась въ непрерывно растущемъ движеніи рабочаго класса, казалась, давала всѣ шансы на выполнение социалдемократіей роли вождя освободительнаго движенія. Правда, либерализмъ и народничество фактомъ своей партійно-политической консолидаціи какъ бы искажали перспективу первоначально рисовавшейся «Искрѣ» картины возможной гегемоніи, и «Искрѣ» приходилось заявлять ¹⁾, что по мѣрѣ того, какъ либеральная и

¹⁾ „Искра“ № 31, ст. „Идейныя традиціи и идейныя задачи пролетарскаго социализма“.

«социально-революционная» партія «становятся на собственные ноги, онѣ должны все болѣе энергично поддерживать тѣ своеобразныя положенія своихъ программъ, которыя вырываютъ непроходимую пропасть между ними и партіей пролетаріата. Пока еще онѣ прикрываютъ эти свои шаги умильными рѣчами объ общности ближайшихъ задачъ и т. п.; завтра, когда онѣ почувствуютъ себя достаточно сильными, чтобы задаться прямой цѣлью уничтожить социалдемократію, какъ самостоятельную партію русскаго пролетаріата, — завтра онѣ отбросятъ эти рѣчи и поведутъ съ нами войну «по настоящему». Но, съ другой стороны, «Искра» твердо вѣрила, что «тщетны всѣ эти — т. е. бернштейнианцевъ, идеалистовъ и народниковъ — попытки бороться съ объективнымъ ходомъ вещей, перемѣщающимъ центръ русской революціи въ среду именно пролетарскаго движенія... Революціонно-концентрирующая сила всѣхъ демократическихъ партей оказывается ничтожною, и всякая идеологическая борьба противъ революціоннаго социализма, не создавая новыхъ центровъ, только расслабляетъ общенациональное движеніе... Быстро свершаетъ свое развитіе русское бернштейнианство..., растворившись въ умѣренномъ, неспособномъ къ борьбѣ, либерализмѣ. Быстро вянетъ и блекнетъ революціонизмъ фразы»... (народниковъ). «И новѣйшее «идеалистическое» движеніе не успѣваетъ еще оформиться, какъ уже ясно для всѣхъ, желающихъ видѣть, что его агенты являются проводниками политическаго индифферентизма и политической дряблости».

Послѣдній годъ, говорила «Искра» еще за нѣсколько мѣсяцевъ до сѣзда, принесъ много въ смыслѣ уразумѣнія того, гдѣ находится выходъ для русской демократіи. «Понемногу сошло на нѣтъ либерально-земское движеніе, приостановилось въ своемъ развитіи самостоятельное движеніе студенчества, обнаружилъ свое безсиліе терроризмъ, свой неоправданный оптимизмъ — новѣйшее рев. крестьянофильство. Только... пролетаріатъ шелъ по восходящей линіи, постепенно ускоряя темпъ своего развитія... Растетъ и организованность его авангарда — р. социалдемократіи»... Недалекое будущее завершитъ эту организационную работу соц.-демократіи объединеніемъ и упроченіемъ партіи (№ 40, ст. «Рев. годъ»).

Но вотъ состоялся сѣздъ и — даль не «объединеніе и упроченіе партіи», котораго ждали, а расколъ въ революціонно-марксистскомъ теченіи, до сихъ поръ сознававшимъ себя, какъ единое цѣлое. Вначалѣ по внѣшности лишенный принципиальнаго характера и какъ будто бы локализованный въ узкой области отдѣльныхъ вопросовъ организационнаго централизма, признававшегося обѣими сторонами, расколъ мало-по-малу развертывалъ свое общественно-политическое содержаніе, изъ сферы организационнаго перекидываясь въ сферу тѣхъ общихъ условій, въ которыхъ проходило въ Россіи развитіе какъ рабочаго движенія вообще, такъ и въ частности — социалдемократіи.

Еще въ статьѣ Мартова «Нашъ сѣздъ» — въ первомъ номерѣ реформированной «Искры» (№ 53) — разногласія сводятся къ вопросу «о методахъ проведенія въ жизнь новыхъ (т. е. централистскихъ. А. П.) организационныхъ принциповъ и о предѣлахъ и характерѣ возможной для соц.-демократическаго движенія централизаціи». Но уже въ ближайшихъ затѣмъ номерахъ появляются фельетоны Аксельрода подъ общимъ заголовкомъ «Объединеніе російской соц.-

демократіи и ея задачи», въ которыхъ впервые даетъ себя знать реакція револ.-марксистскаго міровоззрѣнія противъ бланкистской примѣси, которая имѣла свое болѣе оформленное выраженіе въ отдѣльныхъ писаніяхъ Ленина, которая до тѣхъ поръ накладывала извѣстную печать на нѣкоторыя стороны партійно-политической дѣятельности «Искры» вообще, но которая только теперь начинала нащупываться въ ея несоотвѣтствіи марксизму, въ противорѣчій ея практики задачамъ классовой борьбы пролетаріата.

Въ то время, какъ для «Искры» предыдущаго фазиса развитія «политика», смѣнившая «экономическую» практику «экономистовъ», представлялась безъ поясненій простымъ и самоочевиднымъ дѣломъ, той прямой дорогой, по которой социалдемократія, организационно сплачиваясь, шла къ осуществленію своей идеи гегемоніи въ освободительномъ движеніи Россіи, для Аксельрода вопросъ до чрезвычайности осложнялся тѣмъ моментомъ, что «историческая стихія нѣкоторыми своими сторонами сама толкаетъ наше движеніе въ сторону буржуазнаго революціонизма—наперекоръ нашимъ желаніямъ и нашему сознанію». «Россійская социалдемократія»—«партія пролетаріата по своей теоретической основѣ и программѣ»—говорилъ онъ—«но далеко еще не такая по составу и характеру своей организаціи». «Она только стремится стать политической организаціей рабочихъ массъ, въ дѣйствительности же, по составу своихъ руководящихъ элементовъ, является еще преимущественно организаціей лишь принципиальныхъ сторонниковъ пролетаріата среди революціонной интеллигенціи». «И само тяготѣніе радикальной интеллигенціи къ социализму и къ пролетаріату объективно, исторически, въ конечномъ счетѣ, вызывается и обуславливается не классовой борьбой послѣдняго, а обще-демократической потребностью всѣхъ націй и классовъ избавиться отъ гнета пережитковъ вѣрностнической эпохи». Благодаря же «отсталости нашихъ общественныхъ условій» тѣмъ же опредѣляется и политическая практика русской соц.-демократіи. «Практика періода кустарничества—писалъ Аксельродъ—революционизировала рабочія массы, но не воспитывала и не объединяла ихъ для самостоятельной политической роли. Общественную тенденцію или «конечную цѣль» этой практики формулировали авторы «Credo»—она подготовляла политическую опеку буржуазной демократіи надъ рабочими массами». Наконецъ, практика кустарничества уступила мѣсто централизму періода «Искры», рѣшеніями съѣзда закрѣпившему свою побѣду надъ кустарничествомъ. Но оказалось, что и этотъ централизмъ, который Аксельродъ называетъ бюрократическимъ или механическимъ, «родной братъ кустарничеству». Оказалось, что онъ собою резюмируетъ тотъ періодъ «вовлеченія» рабочихъ массъ въ борьбу съ абсолютизмомъ, который «завершился... созданіемъ почти принципиальнаго противорѣчія между идейнымъ теоретическимъ знаменемъ» партіи и ея практикой, «въ общемъ мало развивающей» въ массахъ «классовое сознаніе» и еще меньше развивающей въ нихъ «классовую политическую самостоятельность». «Получается такой результатъ—заключалъ Аксельродъ—какъ будто революціонный социалдемократизмъ, подобно кустарническому и оппортунистическому, стихійнымъ образомъ выполняетъ только роль замѣстителя буржуазной идеологіи въ освободительномъ движеніи. И этотъ результатъ, опять-таки без-

сознательно, стихийно, отражается и фиксируется въ организационныхъ утопіяхъ, отмѣченныхъ печатью бюрократизма на заговорщической подкладкѣ»¹⁾).

Отъ разногласій въ пониманіи организационныхъ задачъ Аксельродъ, такимъ образомъ, восходилъ къ ихъ первоисточнику, къ наличности въ рев. марксистскомъ теченіи русской социалдемократіи, благодаря специфическимъ условіямъ развитія, привходящихъ элементовъ буржуазнаго революціонизма. «Въ концѣ пути, на который «организационная утопія» увлекаетъ наше движеніе»—говоритъ Аксельродъ—«свѣтится, какъ блестящая точка, якобинскій клубъ, т. е. организациія революціонно-демократическихъ элементовъ буржуазіи, ведущая за собой, при посредствѣ *sociétés populaires*, то бишь, децентрализованныхъ периферійныхъ народныхъ обществъ, наиболее активные слои пролетаріата». Тѣмъ самымъ, однако, устанавливалась связь между организационнымъ утопизмомъ, съ которымъ боролся Аксельродъ, и тѣмъ моментомъ въ партійно-политической дѣятельности «Искры», который мы назвали—бланкистскимъ наслоемъ на марксизмъ.

Такъ стихийно ощутившееся противорѣчіе внутри одинаго дотолѣ револ. марксистскаго теченія закрѣпилось въ сознаніи, какъ противорѣчіе принципиальное, получившее теперь свое оформленное выраженіе въ раздѣленіи на идейныя струи—меньшевизма и большевизма. Меньшевизма, представлявшагося большевикамъ (см. Ленинъ—«Шагъ впередъ, два назадъ»), какъ оппортунизмъ въ организационныхъ вопросахъ, и большевизма, квалифицированнаго меньшевиками, какъ разновидность бланкизма. И все же—это было пока только эмбриональное состояніе того идейнаго антагонизма, которому суждено было развернуться и наполниться актуальнымъ общественно-политическимъ содержаніемъ лишь въ эпоху революціи; лишь тогда, когда съ конца 1904 г. и начала 1905 г. большевизмъ сталъ развертывать свое отношеніе къ революціи, къ буржуазной демократіи и крестьянству, когда началъ дебатироваться вопросъ объ участіи во временномъ правительствѣ и стали обрисовываться «стратегическіе» планы большевизма. Поэтому и намъ придется вплотную заняться этимъ идейнымъ антагонизмомъ внутри рев. марксистскаго теченія уже тогда, когда мы будемъ характеризовать развитіе общественно-политической мысли въ эпоху революціи. Но сейчасъ—и вплоть до конца предреволюціонной эпохи—передъ нами лишь начало этого кризиса, лишь непосредственная и первоначальная реакція на проникшее въ сознаніе фіаско организационной политики «Искры», на разверзшуюся теперь передъ глазами и ничѣмъ не заполненную пропасть между организационнымъ развитіемъ партіи и той стихіей пролетарскаго движенія, которая только что передъ тѣмъ засвидѣтельствовала о своемъ существованіи могуче взметнувшейся волной въ іюльскіе дни 1903 г.

Потому-то, въ центрѣ всѣхъ вопросовъ, которые стояли передъ меньшевистской «Искрой» 1904 г.²⁾, находился вопросъ о приближеніи партіи къ мас-

¹⁾ „Искра“ №№ 55 и 57.

²⁾ Большевистскаго теченія мы сейчасъ не будемъ касаться какъ потому, что литература большевизма, съ переходомъ „Искры“ къ меньшевикамъ, почти совершенно отсутствуетъ вплоть до конца 1904 г., если не считать той брошюрной литературы, въ которой получили свое отраженіе всѣ перипетіи организа-

совому рабочему движению, о такомъ воздѣйствіи на него, при которомъ бы могло получиться то политическое воспитаніе пролетаріата и то развитіе его подъ самостоятельнымъ классовымъ знаменемъ, о которомъ говорилъ Аксельродъ.

«Къ массамъ! такойъ пароль даннаго момента»—писалъ Мартовъ. «Лишь топну ногой, изъ подъ-земли появятся мои легионы». «Соціалдемократія, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ съ полнымъ правомъ повторить о себѣ» эти классическія слова. «Но только въ томъ случаѣ, если она сама тщательно позаботилась, чтобы ея призывной сигналъ не могъ затеряться въ торичеллиевомъ безвоздушномъ пространствѣ, чтобы онъ нашелъ живой проводникъ въ атмосферѣ взаимнаго политическаго пониманія между партіей и массами. Въ сторону созданія такой неразрывной связи должны быть направлены все наши усилія»... ¹⁾.

И объ этомъ же созданіи связи, о развитіи классовой политической самостоятельности пролетаріата, которую бы нельзя было «подмѣнять» «нашей собственной дѣятельностью», говорила вся новая тактика «Искра», статьи Троцкого, Дана и друг. Передъ литературой меньшевизма грознымъ призракомъ стояла боязнь «торичеллева пространства» и диктовала ей какъ смилчченное отношеніе въ оцѣнкѣ прошлой дѣятельности «экономистовъ», такъ и готовность приветствовать самыя несовершенныя усилія самоорганизации пролетаріата.

Но это непосредственное ощущеніе разорванности между партіей и массами, какъ и сознаніе того, что «историческая стихія», о которой говорилъ Аксельродъ, «толкаетъ» соц. демократическое движеніе въ Россіи «въ сторону буржуазнаго революціонизма», накладывало свой рѣзкій отпечатокъ и на всю политическую позицію «Искры». Достаточно, въ самомъ дѣлѣ, сравнить, какъ «Искра» оцѣнивала политическое положеніе до сѣзда, съ тѣмъ, что она писала теперь. Такъ, Мартовъ въ только что цитированной уже нами статьѣ заявлялъ, что «вся стихійно-складывающаяся обстановка крушенія» стараго режима «направляется противъ тѣхъ политическихъ задачъ, которыя ставить себѣ революц. авангардъ россійскаго пролетаріата. Мы еще не утратили вліянія на все недовольные абсолютизмомъ политическіе слои, но кругъ нашего вліянія уже сузился относительно за послѣдніе годы, и мы увѣренно можемъ сказать, что о боекъ съ нами всегда найдутся революціонные элементы, готовые содѣйствовать приближенію» ликвидации стараго режима «такими методами, которые... имѣютъ тенденцію затруднить рѣшеніе пролетаріатомъ его политической задачи».

Что же дѣлать? На все увеличивавшіяся трудности того положенія, въ которое историческое развитіе Россіи поставило социалдемократію, на обостреніе взаимоотношенія направлений и развивавшуюся изолированность социалдемократіи передъ лицомъ ея сближавшихся другъ съ другомъ антагонистовъ изъ среды либеральной и революціонной демократіи, «Искра» отвѣчала усиленіемъ пролетарскихъ чертъ своего направленія. Окончательно отошла въ область прошлаго давно уже начавшая блекнуть концепція «хожденія во все классы», ясно и опредѣленно подчеркивалось, что социалдемократія можетъ оказывать вліяніе на

ціонной борьбы,—такъ и потому, что до наступленія революціонной эпохи большевистское теченіе вообще не выходитъ изъ рамокъ этихъ организаціонныхъ дебатовъ.

¹⁾ „Искра“, № 70.

другіе общественные элементы лишь через посредство пролетарскаго движенія и «пролетарское» рѣшеніе политической задачи методомъ народнаго движенія постоянно выдвигалось во всей его непримиримости какъ съ народнической методологіей единоличныхъ нападений, такъ и съ концепціей компромисса, этой центральной идеей либерализма, начинавшей уже по временамъ принимать реальныя очертанія.

Въ этомъ фазисѣ его развитія эпоха революціи застала меньшевистское теченіе.

Революціонное народничество было идейнымъ теченіемъ, нашедшимъ свою партійно-политическую форму непосредственно вслѣдъ за теченіемъ марксистскимъ; и какъ марксизмъ отразилъ на себѣ стихію пролетарскаго движенія и на основѣ его—и съ нимъ въ непосредственной связи—происходившее сплоченіе социалдемократической интеллигенціи, такъ партійно-политическое оформленіе народничества было дальнѣйшимъ развитіемъ того процесса революціонизированія широкихъ слоевъ интеллигенціи, который, въ связи съ забастовкой студентовъ 1899 г., далъ первое, уже нами отмѣченное, оживленіе народничества. Теперь изъ студенческаго движенія 1901 г., наложившаго свой отпечатокъ на волну демонстрацій, вмѣстѣ съ террористическимъ настроеніемъ интеллигенціи, вышло и то направленіе социалистовъ-революціонеровъ, которому не доставало еще только послѣдняго штриха, наложеннаго на него крестьянскими волненіями 1902 г., чтобы, по крайней мѣрѣ, для предреволюціонной эпохи—закончить кругъ своего идейнаго развитія.

Это уже не было социально-революціонное направленіе переходнаго двухлѣтія, гдѣ отдѣльныя народническія черточки едва замѣтно были вращены въ концепцію, то приближавшуюся къ концепціи социаль-демократіи, то замыкавшуюся въ кругозоръ политическаго радикализма. Напротивъ, это была уже смѣсь, въ которой остатки вліянія марксизма все дальше отгѣснялись, по мѣрѣ развитія событій, организаціонно-политическими взглядами народовольческаго типа и вѣкорѣ начавшими съ ними конкурировать новыми варіаціями старо-народническихъ идей крестьянскаго социализма.

Но при всей пестротѣ и неустойчивости идейнаго направленія с.-р-овъ, мы можемъ все же извлечь изъ него то основное въ его политической концепціи, что въ значительной мѣрѣ опредѣляло собою какъ тактику единоличной борьбы, такъ и отношеніе с.-р-овъ къ другимъ направленіямъ политической мысли. Это концепція освободительнаго движенія Россіи, осуществляемаго тройственно- или двойственно-единой арміей социализма, состоящей, съ одной стороны, изъ интеллигенціи, съ другой—изъ трудового народа, т. е., пролетаріата и крестьянства. «Единеніе» «идеологической силы интеллигенціи» съ «массовой силой нуждающагося и обремененнаго народа»¹⁾—вотъ было то исходное положеніе, которое окрашивало собою социально-революціонную публицистику—съ перваго же момента ея партійно-политическаго существованія.

Но «сила интеллигенціи»—съ точки зрѣнія с.-р-овъ—получала свое наивыс-

¹⁾ „Р. Р.“ № 4. „Отвѣтъ Зарѣ“.

шее и наиболее характерное выражение не въ чемъ либо другомъ, какъ именно въ образованіи «центральной революціонной организаціи» и въ «выполняемыхъ подъ ея руководствомъ единоличныхъ актахъ борьбы». Потому-то, отстаивая эти акты противъ нападковъ социаль-демократической прессы, доказывая ихъ совмѣстимость съ движеніемъ массъ, ихъ полезность, даже необходимость для этого движенія, «Революціонная Россія» въ этой формѣ отстаивала по существу концепцію руководящаго значенія интеллигенціи въ освободительномъ движеніи Россіи. Недаромъ, просматривая литературу соц.-р-овъ, мы тамъ и здѣсь встрѣчаемъ представленіе о роли «организаціи», какъ суррогата и замѣстительницы массоваго движенія ¹⁾.

Но «въѣкласовая интеллигенція» не только выполняла въ концепціи с. р-овъ функцію революціоннаго тарана, она въ то же время перекидывала мостъ отъ соц.-р-овъ къ либераламъ. За русскимъ либерализмомъ—говорила «Р. Р.», не стоитъ «цѣлостнаго и сильнаго общественнаго класса», «приверженцевъ либерализма не сплачиваетъ во-едино крѣпкій цементъ одинаго матеріальнаго интереса» ²⁾; значитъ, тѣмъ болѣе, играетъ въ немъ роль интеллигенція; «ни торгово-промышленная буржуазія, ни землевладѣльцы, какъ классъ—говорилось въ ст. «Составъ либеральной партіи» («Р. Р.» № 33)—сдѣлаться активнымъ борцомъ за дѣло политическаго освобожденія у насъ не могутъ. Только «ни навы, ни вороны» социаль-политической мысли, только разношерстные, промежуточные элементы, отъ буржуазно-плутократическаго порядка душою отставшіе, но къ социализму не приставшіе, могутъ въ-серьезъ откликнуться на призывъ къ активной борьбѣ за освобожденіе. Но эти элементы ничего не имѣютъ противъ широкихъ социальныхъ реформъ. Они не враждебны социализму, они просто плохо въ него вѣрятъ». Это наши radicaux-socialistes. «Нечего сказать, нашла буржуазію»—пронизировалъ, съ своей стороны, П. Новобранцевъ въ статьѣ «Основные вопросы рев. программы» («Р. Р.» № 32) по поводу квалификаціи «Искрой» либерализма «Освобожденія» буржуазнымъ. «Русскіе революціонеры и русскіе либералы—добавлялъ онъ—движутся въ сущности въ одномъ направленіи и только доходятъ до разныхъ точекъ». «Освобожденіе» объединяетъ «дѣйствительно только «отцовъ» изъ той самой интеллигенціи, «дѣти» которой являются самоотверженными борцами за революцію».

Отсюда существенно иное, чѣмъ у соц.-демократіи, отношеніе къ либерализму и въ противоположность социалдемократіи, всегда говорившей о соглашеніяхъ съ либералами «отъ случая къ случаю», готовность къ блокированію съ ними. Но отсюда же, изъ этого сведенія на нѣтъ буржуазныхъ элементовъ освободительнаго движенія—и особенность того прогноза, который ставился предстоящему въ Россіи политическому перевороту. «Политическое освобожденіе Россіи—писала «Р. Р.»—дѣло русской интеллигенціи и русскаго рабочаго народа, и пора понять, что никто другой въ немъ не приметъ активнаго участія. А если это такъ, то имъ же должны принадлежать и социальные результаты грядущаго переворота. (Цит. выше ст. П. Новобранцева, № 32).

¹⁾ См. напр. № 10 „Р. Р.“, „Два письма рабочаго-революціонера“.

²⁾ „Р. Р.“ № 9, ст. „Новое выступленіе либераловъ“.

Предполагая же социалистический характер русской интеллигенции за данный, намъ остается еще опредѣлить характеръ другого члена двухчленной формулы с.-р.-овъ, а именно: «рабочаго народа», т. е. пролетариата и крестьянства, чтобы уже затѣмъ имѣть возможность перейти къ «социально-революционному» прогнозу революціи.

Изъ двухъ составныхъ элементовъ «рабочаго народа» крестьянство, а не пролетариатъ являлось для соц.-р.-овъ послѣ крестьянскихъ волненій 1902 г. рѣшающимъ факторомъ въ процессѣ политическаго освобожденія Россіи. Довказано, говорила «Р. Р.» что во 1-хъ) городской пролетариатъ въ Россіи можетъ, по своей сравнительной малочисленности, быть только авангардомъ арміи, но не всей арміей; во 2-хъ) если его движеніе не будетъ поддержано массою трудового народа, оно, раньше или позже, будетъ раздавлено; въ 3-хъ) чтобы избѣжать этой участи, пролетариатъ долженъ тѣсно сойтись съ остальной трудовой массою; въ 4-хъ) надѣяться на значительное увеличеніе своихъ рядовъ вслѣдствіе пролетаризаціи и перехода въ ряды индустриальной арміи значительной доли крестьянства онъ не можетъ ни по ходу промышленной, ни по ходу земледѣльческой эволюціи; въ 5-хъ) зато интересы пролетариата не только не противоположны, но даже тѣсно связаны съ интересами трудового крестьянства... Это даетъ возможность городскому пролетариату не только заключить союзъ съ трудовымъ крестьянствомъ, но и слиться въ одну социалистическую партію» («Р. Р.» 1904 г. № 47 ст. «Дневн. Читат.»).

Если же трудовое крестьянство являлось рѣшающимъ факторомъ, то тѣмъ необходимѣе было для соц.-р.-овъ укрѣпиться въ той мысли, что трудовое крестьянство социалистично. «Мы не признаемъ принадлежности современнаго крестьянства, какъ цѣлаго, къ мелкобуржуазнымъ слоямъ», заявляла «Р. Р.» въ полемикѣ съ «Искрой». «Не признаемъ потому, что среди крестьянства, какъ цѣлаго, различается цѣлый рядъ слоевъ, не только съ количественно различными, но и качественно противоположными интересами». Для насъ крестьянство дѣлится: на «трудовое крестьянство, живущее эксплоатаціей собственной рабочей силы, и сельскую буржуазію—среднюю и мелкую,—въ большей или меньшей степени живущую эксплоатаціей чужой рабочей силы». Къ трудовому крестьянству принадлежатъ и сельскій пролетариатъ, и классъ самостоятельныхъ земледѣльцевъ. Между ними «при всѣхъ частныхъ различіяхъ—огромное принципиальное сходство» («Р. Р.» 1902 г. № 11 ст. «Программные вопросы»).

Выступая, однако, защитниками трудового крестьянства, соц.-р.-ы въ то же время заботились о томъ, чтобы отмежеваться и отъ тѣхъ «западныхъ оппортунистовъ», которые идеализируютъ мелкое хозяйство, «со всѣми его слабыми антиобщественными сторонами, мѣшающими быстрому темпу социального развитія», но на аргументацію которыхъ тѣмъ не менѣе всецѣло опиралась ихъ собственная концепція эволюціи сельскаго хозяйства. Поэтому, вырабатывая свою аграрную программу, они старательно выдвигали «тѣ въ высшей степени важные факты», которыми отличается русская дѣйствительность и которые—по ихъ мнѣнію—«даютъ надежду социалистамъ на облегченіе реализаціи социалистическаго идеала». Это, во-первыхъ, тотъ фактъ, что «большинство русскаго крестьянства владѣетъ землей на общинно-уравнительномъ началѣ», во-вторыхъ,

что «какъ среди этого общиннаго крестьянства, такъ и среди тѣхъ крестьянъ, которые владѣютъ землей на личномъ началѣ, почти повсемѣстно распространѣнъ взглядъ на землю, какъ на ничью», и въ третьихъ, что «громадное большинство нашего крестьянства» — «полупролетаріи, почти пауперы», и лишь меньшинство — «зажиточно и богато» («Р. Р.» № 47 ст. «Ди. Чит.»).

Отсюда точка зрѣнія соц.-р-овъ на крестьянское движеніе 1902 г., которая въ противоположность точкѣ зрѣнія «Искры» гласила: «Да, современное крестьянское движеніе есть зародышевая форма будущаго болѣе сознательнаго и оформленнаго движенія. Оно уже теперь выставило полусоціалистическую программу: земля не должна быть частной собственностью; она можетъ лишь находиться въ справедливомъ, уравнительномъ пользованіи тѣхъ, кто самъ лично трудится, живетъ своимъ трудомъ; продуктъ труда долженъ и принадлежать труду. Мы должны дать только раціональную, научную формулировку этимъ совершенно правильнымъ принципамъ, чтобы вывести изъ нихъ чистую идею социализма». Крестьянское движеніе — заключали соц.-р-ы — есть «начало движенія огромнаго трудового класса — движенія, которое, слившись съ другимъ, ранѣе начавшимся движеніемъ другого такого же трудового класса, городского пролетаріата, образуетъ одинъ мощный потокъ, который смоетъ въ концѣ концовъ всѣ преграды и донесетъ до желанной цѣли — коренной соціальной революціи». И въ соответствіи съ этимъ задача освободительнаго движенія — «добиться того, чтобы эта политическая революція не была революціей чисто буржуазной, а сопровождалась крупными демократическими и соціальными реформами, которыя положили бы первое основаніе дальнѣйшему соціальному строительству будущаго, заложили бы первые кирпичи въ фундаментъ будущаго зданія социализированнаго труда. Это не одно благое пожеланіе, а и политическая и экономическая необходимость»¹⁾.

«Что могутъ интеллигенція и пролетаріатъ безъ крестьянства, а тѣмъ болѣе — вопреки крестьянству?» — спрашивалъ Крестьянскій Союзъ и отвѣчалъ — ничего! Но «что можетъ интеллигенція и пролетаріатъ вмѣстѣ съ крестьянствомъ? — Все». «Погружаясь въ глубины крестьянскаго моря — говорилось въ заявленіи отъ Крестьянскаго Союза — мы какъ бы опускаемъ кристалъ революціонизма въ растворъ, пересыщенный для революц. кристаллизаціи. Можемъ ли мы при этомъ бояться недостатка силъ, имѣемъ ли мы право медлить съ этимъ животворнымъ началомъ»²⁾.

Такъ признаніе с.-р-ами социалистическаго характера современнаго рус. крестьянства приводило ихъ непосредственно въ выводъ о социалистическомъ характерѣ р. революціи. Но этотъ максимальный, или мы бы сказали — «максималистскій» выводъ, логически слѣдующій изъ данныхъ предпосылокъ, психологически не былъ возможенъ для с.-р-овъ при общественно политической конъюнктурѣ предреволюціоннаго времени. Поэтому — тѣ оговорки, которыя «Р. Р.» вносила въ свою собственную концепцію, заключая, что «историческая равнодѣйствующая пройдетъ гдѣ нибудь посрединѣ между умѣренно-либе-

¹⁾ „Р. Р.“ № 8 (Іюнь 1902 г.).

²⁾ Ibid. „Отъ Крестьянскаго Союза“.

ральноми требованіями, съ одной стороны, и крайними требованіями социалистовъ, съ другой». Въ концѣ концовъ получалась своеобразная концепція революціи не буржуазной, но въ то-же время и не окончательно социалистической, и въ гармоніи съ этой концепціей программа, останавливающаяся на поль-дорогѣ къ социальной революціи, не выставляющая въ качествѣ очередного требованія «обобществленія всѣхъ средствъ производства», но «для крестьянства на первую очередь» ставящая «соціализацію земли, т. е. переходъ ея въ собственность всего общества и въ пользованіе трудящихся, и во-вторыхъ развитие въ крестьянствѣ всевозможныхъ видовъ общественныхъ соединеній и экономическихъ коопераций для постепеннаго высвобожденія крестьянства изъ подъ власти денежнаго капитала и для подготовленія грядущаго коллективнаго земледѣльческаго производства». (Тамъ-же).

Таковъ былъ тотъ хаотическій конгломератъ изъ революціонизма и мелкобуржуазныхъ экономическихъ паначей, въ качествѣ переходныхъ мѣръ къ социалистическому строю, съ которымъ соц. рев-ры вступали въ эпоху революціи.

Наконецъ, послѣднимъ въ партійно-политическій періодъ своего существованія вошло либерально-демократическое теченіе, процессъ формированія котораго мы набросали въ предыдущей главѣ. Теперь оно завершало свою эволюцію приспособленія, въ органѣ Струве «Освобожденіе» дѣлая первый свой шагъ на пути практической политики, который былъ въ то же время и первой реализаціей его сближенія съ оппозиціонными теченіями земской среды.

Соотвѣтственно же этому, «Освобожденіе» выступало, какъ «органъ національной задачи и всѣхъ поборниковъ новой свободной Россіи», какъ бы продолжая публицистическую линію демократіи, свое движеніе къ идеализму желавшей связать съ «аннибаловой клятвой» эпохи, и одновременно—какъ простой «регистраторъ земской политической мысли», не имѣющій въ виду дать «программу», а желающій ее «получить» отъ «общественныхъ дѣятелей страны и, прежде всего, дѣятелей самоуправленія».

«Национальная задача» и «земская регистратура» — это былъ не случайный контрастъ, это было то фатальное, что — при данной исторической конъюнктурѣ — являлось присущимъ движенію буржуазной демократіи, и что заставляло ее, спускаясь съ высотъ «идеализма» въ міръ текущей дѣйствительности, вмѣсто «несгибаемаго идеалистическаго существа», къ которому апеллировалъ Струве, призывая назадъ къ Лассалю и Фихте, апеллировать какъ разъ къ той «гнущейся» средѣ обывателей, отличительнымъ признакомъ которой она сама провозглашала заранѣе неспособность къ рѣшительной борьбѣ. Она звала на общенародное дѣло, но бѣда была въ томъ, что въ ея «общенародномъ» дѣлѣ отсутствовалъ именно «народъ», тотъ народъ, на который она сама возлагала надежды, какъ на борца за политическое освобожденіе Россіи, ибо этотъ народъ, по ея собственному признанію, находился въ неотъемлемомъ вѣдѣніи «крайнихъ партій». Такъ, въ своемъ первомъ же номерѣ «Освобожденіе» писало: «огромное значеніе рабочаго движенія для политическихъ судьбъ нашей страны заключается въ томъ, что въ столѣтній

политическій споръ русской интеллигенціи съ правительствомъ, въ лицѣ рабочаго класса, наконецъ, активно и сознательно вступаетъ народъ. Онъ проснулся къ свободѣ, онъ требуетъ ея и онъ возьметъ ее».

Но этотъ «народъ» — пролетариатъ уже «найденъ» «соціалистическимъ движеніемъ» русской интеллигенціи. «Современной соціалдемократіи въ этомъ отношеніи посчастливилось», признавало «Освобожденіе»: «придя во-время, она нашла откликъ въ массѣ, и этотъ откликъ будетъ становиться все громче и сознательнѣе».

Такимъ образомъ, при завѣдомой для буржуазной демократіи инертности крестьянства, она вынуждалась фактически въ «національномъ движеніи» занять всего-на-всего лишь тотъ уголь, который называется «либеральнымъ умѣреннымъ ядромъ русскаго общества». Это «ядро» въ политическомъ отношеніи пребывало въ состояніи почти безформенномъ, но оно имѣло культурно-хозяйственную организацію въ земствѣ, представлявшемъ естественный кристаллизаціонный пунктъ для этого умѣренного «ядра». Понятно, поэтому, что земство, которое занимало такое видное мѣсто въ старо-либеральной идеологіи, выдвигалось опять на авансцену, какъ вдохновитель и вмѣстѣ съ тѣмъ и идеологическій центръ обновленнаго либерализма. Недаромъ, поэтому, въ свободной печати либерализмъ дебютировалъ предисловіемъ Струве въ извѣстной запискѣ Витте «Самодержавіе и земство», предисловіемъ, въ которомъ комментирующія записку указанія имѣли смыслъ политической реабилитации земства, защиты его противъ тѣхъ, «кто по недостатку политическаго образованія или по увлеченію революціонной фразой не желалъ и не желаетъ видѣть крупнаго политическаго значенія р. земства и его легальной культурной дѣятельности». И недаромъ само «Освобожденіе» начиналось заявленіями «Отъ русскихъ конституціоналистовъ» и «Открытымъ письмомъ отъ группы земскихъ дѣятелей», намѣчавшими политическую profession de foi либерализма.

Этимъ его соціальнымъ составомъ, предопредѣлялась и та позиція, которая была занята либерализмомъ въ разгоравшейся освободительной борьбѣ. Эта позиція съ ясностью, неоставлявшей желать большаго, была формулирована въ уже цитированномъ нами предисловіи: «При наличности яркаго политическаго движенія — писалъ Струве — а создать таковое задача все болѣе и болѣе консолидирующей въ Россіи соц.-дем. партіи — хоть сколько-нибудь организованная либеральная оппозиція можетъ сыграть крупную политическую роль: умѣренная партія при умѣлой тактикѣ выигрываютъ отъ обостряющейся борьбы между крайними общественными элементами, каковыми въ данномъ случаѣ явятся, съ одной стороны, самодержавная бюрократія, а съ другой — революціонная соціалдемократія».

И если мы возьмемъ «Освобожденіе» съ его перваго номера и вплоть до времени ноябрьскаго съѣзда 1904 года, мы увидимъ красной нитью проходящимъ въ его оцѣнкѣ текущей дѣйствительности все тотъ же политическій принципъ: принципъ учета въ каждый данный моментъ процесса ослабленія власти силами революціоннаго движенія и на основѣ этого учета готовый компромиссъ съ этой властью. Напомнимъ хотя бы тѣ мысли, которые были высказаны велухъ «Освобожденіемъ» по поводу переговоровъ Шипова съ Плеве въ связи съ вопросомъ

объ участіи выборныхъ отъ земствъ въ «Особомъ Совѣщаніи». Это былъ — «ложный шагъ» со стороны Шипова — заявлялъ Антонъ Старицій. («Освобожд.» № 7), «Нѣтъ ничего мудренаго, что Плеве... предпринялъ эту диверсію бесѣдъ и намековъ. Но земцамъ слѣдовало бы очень и очень подумать, прежде чѣмъ идти на компромиссъ, на приманку. Теперешнее положеніе дѣлъ не ими создано; оно создано молодежью... создано рабочими... создано крестьянами... оно создано беспорядками, демонстраціями... Земцы выступили позже всѣхъ и до сихъ поръ заявили о себѣ слабѣе всѣхъ. Никто и не зоветъ ихъ на баррикады, никто и не приглашаетъ ихъ къ крайнимъ дѣйствіямъ. Но пусть же они умѣло, съ достоинствомъ и съ сознаниемъ громадной отвѣтственности, лежащей на нихъ, выполнять свою историческую миссію, естественную свою обязанность передъ родиной. Не молодежь, не крестьяне, не рабочіе будутъ, конечно, вести переговоры съ правительствомъ, и примутъ власть отъ него, а они — представители земства... И пусть они не спѣшатъ учестъ свое первородство, въ видѣ какого-то съѣзда, который «оформить» г. Плеве... Спѣшить съ переговорами еще нечего!»

А Струве въ томъ же №, указывая на то, что «день неизбежной — при упорствѣ правительства — революціи еще не близокъ», что матеріальная сила еще на сторонѣ существующаго режима, этимъ объяснялъ, почему «мы призываемъ мирныя реформы», почему «мы желаемъ уступокъ сверху» и выставлялъ свой «аргументъ, обращенный къ правительству»: «Въ интересахъ не только дѣла преобразованія, но и самого правительства, «лучше сверху, чѣмъ снизу», лучше «мирнымъ», чѣмъ «революціоннымъ путемъ».

Это обращеніе къ правительству шло рука объ руку съ установленіемъ тезиса, являвшагося также однимъ изъ основныхъ въ либерально-демократической публицистикѣ; мы имѣемъ въ виду признаніе, что «ни революціонная борьба, ни умѣренная и мирная оппозиція не могутъ обойтись одна безъ другой»¹⁾.

Это была та средняя линия, по которой двигалось либерально-демократическое теченіе, съ одной стороны отбрасывая влѣво идеи, подобныя тѣмъ, которыя развивалъ едва ли не одинъ земскій гласный Т. на страницахъ «Освобожденія», когда указывалъ на необходимость «покончить съ робкими полумѣрами легальной оппозиціи», намѣчалъ желательныя формы борьбы и приглашалъ земцевъ не оказаться въ случаѣ «призванія» ихъ сверху «въ положеніи птицъ небесныхъ, собирающихъ тамъ, гдѣ не сѣяли»²⁾, и съ другой стороны — оспаривая весьма распространенную въ земской средѣ точку зрѣнія, отрицавшую за «крайними партіями» даже ихъ относительную цѣнность для либеральнаго движенія и, подобно авторамъ открытаго письма отъ «группы земскихъ дѣятелей», квалифицировавшую дѣятельность этихъ партій, какъ «общественное бѣдствіе» на основѣ «обнищанія» и «невѣжества» населенія. Въ концепціи же «Освобожденія», наоборотъ, на долю «революціонныхъ элементовъ» оставалась «великая заслуга» и «огромная роль» въ постановкѣ вопроса «кореннаго политическаго преобразо-

¹⁾ „Освоб.“ № 7, 1902 г. Ст. П. Струве „Либерализмъ и т. н. революціонныя направленія“.

²⁾ „Осв.“ № 7, Ст. „Мирная и революціонная борьба“.

ванія», и усилія «Освобожденія» были направлены на то, чтобы доказать, что единоличная борьба е.-р.-овъ имѣетъ свои глубокіе корни въ существующемъ общественно-политическомъ порядкѣ, что «принципы» соц.-демократіи въ своемъ существѣ «совпадаютъ съ чистыми идеями либерализма, какъ политической системы свободы и равенства», и что «русскому либерализму не поздно еще занять правильную политическую позицію—не противъ соціальной демократіи, а рядомъ и въ союзѣ съ нею» ¹⁾. Но практическій политическій выводъ изъ всей этой теоріи мирнаго сосуществованія умѣренныхъ и крайнихъ элементовъ и раздѣленія между ними труда гласилъ: сугубая фиксація умѣренныхъ элементовъ на ихъ «полумѣрахъ» и расчеты на растущее давленіе освободительной борьбы на власть въ дѣлахъ заключенія компромисса.

Но если преобладаніе умѣреннаго-земскаго характера наложило свою неизгладимую печать на позицію либерализма въ освободительной борьбѣ, на приемы его тактики, и дало расцвѣсть идеѣ компромисса, то тѣмъ же классовымъ, землевладѣльческимъ характеромъ еще непосредственнѣе опредѣлялось содержаніе тѣхъ политическихъ требованій, которыя выставлялъ либерализмъ на своемъ знамени. На протяженіи послѣднихъ двухъ лѣтъ предреволюціонной эпохи, можно сказать, на нашихъ глазахъ протекаетъ процессъ вынужденной развертывающимся ходомъ событій демократизаціи этихъ требованій.

Въ самомъ дѣлѣ, когда въ половинѣ 1902 г. «Освобожденіе» выступало на политическую сцену, то оно безъ оговорокъ объявляло себя солидарнымъ съ тѣмъ коллективнымъ заявленіемъ «отъ русскихъ конституціоналистовъ», согласно которому учредительныя функціи въ созданіи «безсословнаго народнаго представительства»—въ выработкѣ конституціи—должны принадлежать вмѣстѣ съ властью представителямъ организацій «всесословнаго общественнаго самоуправленія». Это—организаци, говорилось, правда «искаженные по составу своего представительства, и очень неполно представляющія мнѣніе страны, но имѣющія за собой преданія политическихъ стремленій и по существу своему представляющія нижній этажъ будущаго конституціоннаго зданія»... «Мы имѣемъ все основанія думать, что дѣятельность... представителей отъ земствъ не пойдетъ вразрѣзъ съ вѣковыми стремленіями русской интеллигенціи. Во всякомъ случаѣ, такой путь вѣрнѣе и лучше, чѣмъ тотъ скачекъ въ неизвѣстное, который представляла бы всякая попытка выборовъ ad hoc, подъ неизбѣжнымъ въ такихъ случаяхъ правительственнымъ давленіемъ и при трудно-опредѣлимомъ настроеніи непривычныхъ къ политической жизни общественныхъ слоевъ» ²⁾. Въ удовлетвореніе же не-земскихъ круговъ «общества»—«было бы желательно»—заявляли конституціоналисты—«предоставить... существующимъ органамъ самоуправления право выбирать депутатовъ изъ лицъ, принадлежащихъ не только къ средѣ земскихъ и городскихъ гласныхъ и избирателей, но и ко всему русскому обществу; было бы также полезно допустить право представительства и для русскихъ университетовъ».

¹⁾ „Освоб.“ № 25 (1903 г.). Ст. П. С. „Германскіе выборы“.

²⁾ „Освоб.“ № 1. (18 іюня 1902 г.). „Отъ рус. конст.—овъ“.

Но уже къ началу 1903 года наступаетъ известное полѣвѣніе: вмѣстѣ съ временной заминкой въ земскомъ движеніи, съ дальнѣйшимъ ростомъ революціоннаго движенія и консолидаціей интеллигентской части либерально-демократическаго теченія, интеллигентская демократія беретъ свой временный реваншъ надъ либеральнымъ землевладѣніемъ. Въ «Освобожденіи» появляются новыя ноты: въ передовой статьѣ своего 15 № «Освобожденіе» заявляетъ: «широкая и идеалистическая постановка задачи освобожденія, какъ общенароднаго или національнаго дѣла, не только не исключаетъ послѣдовательнаго и принципиальнаго проведенія идей правового государства и демократіи, но, наоборотъ, требуетъ такого проведенія». И далѣе: «Русскій либерализмъ приобрѣтетъ силу и значеніе только какъ демократическое теченіе съ широкимъ размахомъ. Съ этой точки зрѣнія мы разсматриваемъ и земское движеніе, въ которомъ мы видимъ лишь одно, своеобразное и цѣнное, теченіе нарождающейся русской демократіи. Еслибы земство и земское движеніе потеряло связь съ этимъ большимъ потокомъ, въ которомъ выражается и творится новая Россія—они лишились бы своихъ питательныхъ соковъ и ихъ живыя силы изсякли бы. Земское дѣло перестало бы быть общимъ дѣломъ всѣхъ свободолюбивыхъ силъ безусловной русской интеллигенціи и пало бы до простаго представительства помѣщичьяго класса и его интересовъ. Оно утратило бы свое національное значеніе».

А въ 16 № «Освобожденіе» уже открыто признается въ поворотѣ. «Оказалось на практикѣ», отмѣчаетъ с.с., одинъ изъ составителей заявленія «отъ конституціоналистовъ», что «Освобожденіе обслуживаетъ слишкомъ обширный кругъ лицъ и общественныхъ слоевъ, чтобы точно выражать мнѣнія и настроенія каждаго», что необходимо отмежеваться отъ «идеалистовъ самодержавія» Шипова, Стаховича, Хомякова и явнѣе отѣинить свое конституціонное знамя. Струве же, устанавливая основныя положенія подлежащей сформированію партіи, говоритъ: «Партія должна быть открыто и рѣшительно конституціонной... Партія должна быть открыто и рѣшительно демократической»... «Для того, чтобы въ рядахъ либеральной партіи могли рука объ руку дѣйствовать и земскій дворянинъ, и разночинецъ-интеллигентъ, представитель «третьяго элемента», и крестьянинъ, доработавшійся до политическаго самосознанія, партія должна открыто и рѣшительно исповѣдывать принципъ политической равноправности. И потому въ ея программѣ необходимо ясное заявленіе въ пользу всеобщей подачи голосовъ. Такое заявленіе должно на нашъ взглядъ—замѣнить собою соответственныя разсужденія программы конституціоналистовъ «Объ учредительномъ собраніи».

Такъ вмѣстѣ съ попыткой расширенія соціальнаго основанія партіи, въ либерально-демократическомъ теченіи появляется признаніе всеобщей подачи голосовъ (не смѣшивать, впрочемъ, съ известной 4-хъ членной формулой), и центръ тяжести отъ земскихъ элементовъ начинаетъ передвигаться къ «безусловной интеллигенціи». И одновременно же исключительно политическій характеръ либ. демокр. теченія впервые нарушается внесеніемъ въ него соціальныхъ требованій.

«За время существованія «Освобожд.» мы убѣдились, что требованіе всеобщей подачи голосовъ, въ справедливости котораго мы по существу никогда не сомнѣвались, соответствуетъ политическому сознанію тѣхъ слоевъ

безсоловной русск. интеллигенціи, которые стоятъ въ первыхъ рядахъ борцовъ за политическое освобожденіе Россіи и должны составлять главные кадры либер. партіи, которая выступаетъ открыто конституціонной и послѣдовательно демократической. Недостаточно демократическій характеръ партійной программы, хотя бы онъ сказывался лишь въ формѣ умолчанія о нѣкоторыхъ пунктахъ, оттолкнеть тѣ элементы, безъ привлеченія которыхъ партія будетъ влзчить жалкое существованіе. Помимо положительнаго рѣшенія вопроса о всеобщей подачѣ голосовъ, демократическій характеръ партіи требуетъ программнаго выясненія ея отношенія къ социальнымъ вопросамъ—аграрному и рабочему»¹⁾.

Практическія требованія по рабочему вопросу, выставляемыя рабочими партіями на Западѣ и въ Россіи, «должны быть цѣликомъ включены въ его (т. е. либерализма) программу» — заявляетъ «Освобожденіе» въ № 33 (ноябрь 1903 года), провозглашая въ то же время, что въ аграрномъ вопросѣ «на первую очередь долженъ стать вопросъ о демократизаціи земельной собственности»... «Политическое освобожденіе Россіи должно быть вмѣстѣ съ тѣмъ и довершеніемъ дѣла освобожденія крестьянъ, основаннаго на принципѣ призванія права земледѣльцевъ на обрабатываемую ими землю... Государство должно ставить задачу—содѣйствіе переходу земель въ руки трудящихся массъ—и выработать цѣлый рядъ соответственныхъ мѣръ»²⁾. И въ другомъ мѣстѣ: «Въ немъ (т. е. аграрномъ вопросѣ)—матеріальная основа совершающагося въ Россіи освободительнаго движенія—и когда послѣднее прочно овладѣетъ этой позиціей,—когда оно сольетъ матеріальную потребность крестьянства въ землѣ съ политическимъ лозунгомъ освобожденія—тогда противъ него ничто не устоитъ», («Освоб.» № 32).

И уже въ 1904 году, когда вспыхнула война и послѣ того, какъ потухъ первоначальный подъемъ націоналистическихъ чувствъ, данъ которому отдало и «Освобожденіе»,—оно писало, что, если «въ началѣ XIX вѣка можно было ввести барскую конституцію, т. е. давъ народу гражданскую, а верхамъ общества политическую свободу и политическую власть, въ теченіе долгаго времени управлять социальными низами, какъ болѣе или менѣе покорной въ политическомъ отношеніи массой», то «теперь выборъ можетъ быть только» между старымъ режимомъ и «демократіей». «На самомъ дѣлѣ, только радикальная и широкая политическая реформа можетъ дать прочный внутренний миръ Россіи»³⁾.

Мы видѣли, такимъ образомъ, какъ подымающаяся температура предреволюціонной эпохи и приближающіеся раскаты грозы налажали свой штрихъ за штрихомъ на фізіономію либерально-демократическаго теченія. Въ извѣстныхъ предѣлахъ либерализмъ демократизировалъ свои программныя требованія, въ извѣстныхъ предѣлахъ онъ пытался стать социальнымъ. Но онъ по прежнему оставался внѣ народнаго массоваго движенія, безъ связующихъ съ этимъ движеніемъ нитей и со всѣми корнями въ той земщинѣ, которая продолжала опредѣ-

¹⁾ Освоб. № 17. „Отъ редактора“.

²⁾ „Освоб.“ № 33, Ст. Л. „Къ аграрному вопросу“.

³⁾ „Освоб.“ № 58 (1904 г.) Ред. ст. „Организація и платформа демократ. партіи“.

зять по прежнему его политическую позицию. Недаромъ, его заключительнымъ словомъ въ предреволюціонную эпоху было провозглашеніе ноябрьскаго съѣзда 1904 года—«хозяиномъ страны», ея «общественнымъ мнѣніемъ»¹⁾.

* * *

На этомъ мы заканчиваемъ наше изложеніе эволюціи общественно-политической мысли въ предреволюціонную эпоху. Наши заключенія мы сдѣлаемъ отсюда тогда, когда будемъ говорить о томъ «заключеніи» эпохи, которымъ явилась революція.

А. Потресовъ.

¹⁾ „Освоб.“ № 60, ст. С. С. „Фіаско новаго курса“.